

С Первомаем!

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

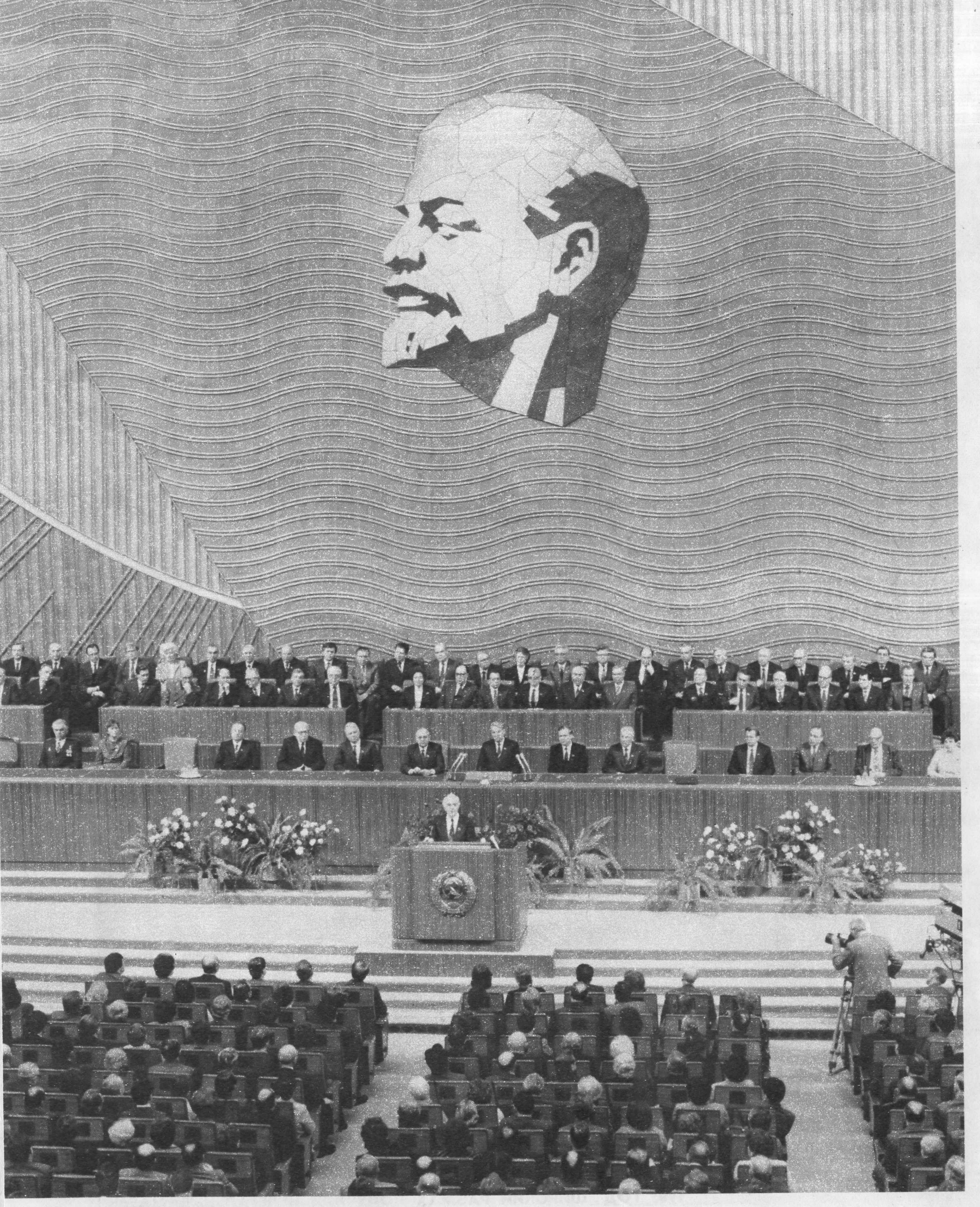
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 18 (3067)

26 АПРЕЛЯ — 3 МАЯ

1905 ГОД. ШИРОКИЙ РАЗМАХ ПОЛУЧИЛИ НЕЛЕГАЛЬНЫЕ МАЕВКИ.
ЧИТАЙТЕ МАТЕРИАЛ «СОТЫЙ МАЙ» (СТР. 6—8).

22 апреля 1986 года. Москва, Кремлевский Дворец съездов.
Торжественное заседание, посвященное 116-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина.

Фото А. Гостева

Берлин. Дворец республики. Открытие XI съезда СЕПГ.

ПОД ЗНАМЕНЕМ СОЦИАЛИЗМА И МИРА

На трибуне — Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев.

В Берлине с 17 по 21 апреля проходил XI съезд Социалистической единой партии Германии. В его работе приняли участие представители 140 коммунистических и рабочих партий, революционно-демократических, социалистических, социал-демократических партий и различных прогрессивных организаций и движений из 104 стран.

Особенно сердечно участники съезда приветствовали делегацию КПСС во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС М. С. Горбачевым. Его выступление на съезде получило большое международное звучание. Выдвинутые в этом выступлении новые крупные инициативы в интересах мира произвели глубокое впечатление, получили поддержку делегатов и зарубежных гостей.

Высший форум коммунистов ГДР единодушно одобрил отчет Центрального Комитета партии XI съезду, директивы по пятилетнему плану развития народного хозяйства ГДР на 1986 — 1990 годы. Избраны руководящие органы партии. Генеральным секретарем ЦК СЕПГ единогласно избран Эрих Хонеккер.

Съезд единодушно одобрил политическую линию и практическую деятельность Центрального Комитета СЕПГ, подтвердил курс на дальнейшее всестороннее развитие социалистического общества в ГДР, укрепление дружбы и сотрудничества с СССР и другими братскими странами, упрочение мира и безопасности в Европе и во всем мире.

Во время возложения цветов к памятнику Э. Тельману.

Жители Потсдама приветствуют советских гостей.

Манифестация молодежи в честь XI съезда СЕПГ.

Телефото ТАСС

СОВЕТСКО-АФГАНСКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ В КРЕМЛЕ

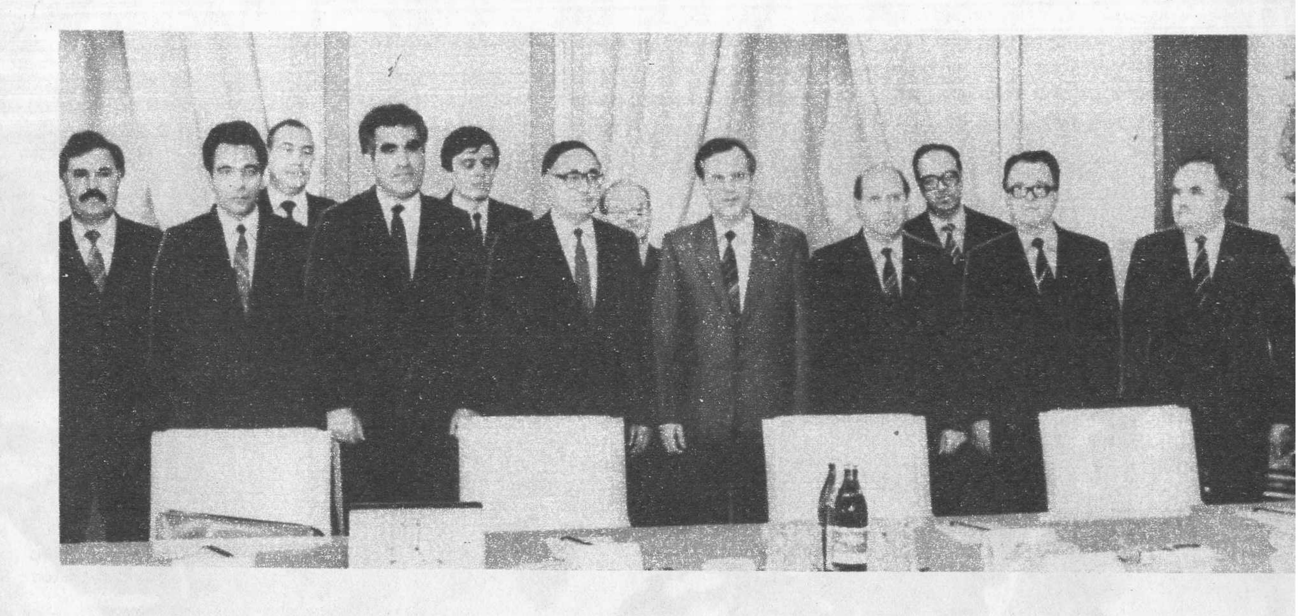
21 апреля в Кремле состоялись переговоры члена Политбюро ЦК КПСС, Председателя Совета Министров СССР Н. И. Рыжкова с членом Политбюро ЦК НДПА, Председателем Совета Министров ДРА С. А. Кештмандом, находившимся в СССР с официальным визитом.

В ходе переговоров, проходивших в обстановке дружбы и полного взаимопонимания, Н. И. Рыжков информировал С. А. Кештманда о развернувшейся в Советском Союзе работе по реализации решений XXVII съезда КПСС, намеченного съездом стратегического курса на ускорение социально-экономического развития страны.

С советской стороны было подчеркнуто, что, как говорилось на XXVII съезде КПСС, Советский Союз поддерживает и будет поддерживать усилия демократического Афганистана, направленные на защиту своего суверенитета.

С афганской стороны было подтверждено стремление к скорейшему политическому урегулированию положения вокруг Афганистана.

Было высказано взаимное убеждение, что встречи руководителей Советского Союза и Демократической Республики Афганистан вносят значительный вклад в укрепление дружбы между двумя странами.

Перед началом переговоров.

Фото А. Гостева

ЭХО АГРЕССИИ

Во многих странах мира продолжаются массовые манифестации протеста против варварских бомбардировок американской авиацией территории независимого государства. Сама же Америка оказалась в эти дни как бы расколотой на два лагеря. Гнев по адресу военных преступников из Вашингтона, стыд за новое злодеяние правящих кругов США звучат сегодня в высказываниях многих простых американцев, в письмах, присылаемых ими в редакции газет и журналов. С критикой действий администрации выступил бывший президент США Дж. Картер. Он сказал: «Я не считаю, что это было правильным шагом. Будущее покажет, что это было ошибкой».

В то же время на волне искусственно подогреваемого шовинизма и ура-патриотизма правые круги организуют выступления в поддержку антиливийской акции. В ряде городов в штатах Массачусетс, Джорджия и других состоялись демонстрации, участники которых превозносили действия Белого дома, а также премьер-министра Великобритании М. Тэтчер.

Что же дальше? Такой вопрос задают сейчас во многих странах мира. Если судить по высказываниям высокопоставленных представителей вашингтонской администрации, ничего хорошего. Так, председатель комитета начальников штабов адмирал У. Кроу недавно указал на возможность «дальнейших акций» против Ливии.

Соединенные Штаты, как видим, продолжают размахивать дубинкой.

А. СОКОЛОВ

В одном из кварталов Триполи, подвергшихся бомбардировке.

Демонстрация протеста перед зданием американского посольства в Бейруте.

Телефото Джана — АП — ТАСС

Нелегальная маевка в России 1905 г.

СОТЫЙ МАЙ

1889 год. Париж... Буржуазная Франция приглашает все страны принять участие во Всемирной выставке... Правительства многих стран, в том числе и России, принимают приглашение.

Здесь же, в Париже, проходит конгресс 2-го Интернационала.

20 июля. Три часа дня. Маленькими группками прибывают делегации. У входа в «Фантези-Паризьен», снаружи ничем особенным не украшенного, они смешиваются с разноязыкой толпой, входят в зал...

Шесть часов вечера. Последнее заседание подходит к концу. Слово берет американский делегат Буш. Он просит поставить на голосование предложение об учреждении ежегодного международного праздника с проведением демонстраций и предъявлением требования о сокращении рабочего дня.

Предложение принимается единогласно! Но тут же возникает вопрос: какую выбрать дату? Из зала выкрикивают: «14 июля!.. 18 марта!.. 21 апреля!..» Буш напоминает, что на конгрессе в Сент-Луисе американские трудящиеся приняли решение провести большую рабочую манифестацию 1 мая 1890 года... Большинство делегатов соглашаются. Итак, решено! Выбрано 1 мая!

Из этих воспоминаний очевидцев конгресса 2-го Интернационала может показаться, что столь важное решение было просто хорошей идеей, рожденной на заседании. Но это далеко не так.

ЧИКАГСКАЯ ТРАГЕДИЯ

На страницах респектабельных американских газет и журналов конца XIX века мелькает слово «капитализм».

Позолоченный век Соединенных Штатов все разительнее обнаруживает контрасты богатства и нищеты, а газета «Нью-Йорк уорлд» цинично пишет: «...Люди должны довольствоваться меньшей зарплатой. И тогда они будут приближаться к тому жизненному уровню, который богу угодно было им предоставить...» И правительственная статистика сухо прикидывает: «8—9 рабочих из каждой тысячи обречены погибнуть от несчастных случаев, 30 других — получат увечья».

1 мая 1886 года сотни тысяч рабочих заполнили улицы и площади Нью-Йорка, Филадельфии, Луисвилла, Сент-Луиса, Милуоки, Балтимора... Особенно острый характер движение с требованием о введении 8-часового рабочего дня, улучшении условий труда и жизни приняло в Чикаго.

3 мая у стен завода Мак-Кормика частная полиция открывает огонь по безоружным демонстрантам. Но и на следующий день на Хеймаркет-сквер рабочие вновь собираются на мирный митинг.

Появляется полиция. Предупредительными выстрелами она при-

Борис
ОВЧИННИКОВ

Фото из Центрального государственного архива кинофотодокументов СССР

Весь революционный Петроград вышел на первомайскую демонстрацию 1918 года.

1920 год. Москва. На Всесоюзном первомайском субботнике в Кремле.

1923 год. США. Первомайская забастовка в Чикаго.

1945 год. Москва. Народные гулянья на улице Горького. А через несколько дней долгожданная Победа!

казывает немедленно разойтись. Ораторы вступают в разговор с полицией, разъясняя мирный характер митинга, и, казалось, на этот раз он закончится без столкновений, как вдруг... оглушительный взрыв потрясает воздух! Целившийся в толпу рабочих провокатор угодил своей бомбой в отряд полиции.

С этого момента по всей стране прокатилась волна арестов. Среди арестованных восемь активистов рабочего движения: Шпис, Парсонс, Фишер, Энгель, Линг, Филден, Шваб, Небе. Им предъявляется обвинение в заговоре.

По иронии истории в самый разгар этой кампании американские власти организуют торжественную церемонию открытия статуи Свободы, подаренной США Францией.

Четверо из приговоренных — Шпис, Парсонс, Фишер и Энгель — казнены во дворе чикагской тюрьмы. Перед смертью Август Шпис пророчески бросает в глаза убийцам: «Может быть, повесив нас, вы погасите искру, но там!— и там!— и за вашей спиной, перед вашими глазами, всюду вокруг вас вспыхнет пламя! Вам не погасить его!.. Настанет день, когда наше молчание станет красноречивее любых речей!»

ПЕРВЫЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ

Призыв 2-го Интернационала о майских выступлениях облетел весь мир и получил мощный отклик. К 1 Мая 1890 года готовились все, в том числе и... буржуазия. В ряды рабочих втирались шпики и провокаторы, готовились отборные отряды солдат и полиции, обсуждались схемы засад и планы подавления манифестаций. Зная это, руководители рабочих предостерегали массы от возможных конфликтов, советовали не реагировать на провокации и сохранять мирный характер выступлений.

Рабочие призвали деятелей искусства написать произведения, посвященные труду и 1 Мая, сочинить первомайские песни, и молодой композитор Дегейтер переложил на музыку поэму Эжена Потье «Интернационал»— международное рабочее движение получило свой гимн.

Читая газеты, журналы, полицейские протоколы и досье 1890 года, можно представить, как в те майские дни впервые пролетарии многих стран выступили одновременно.

«США. Чикаго. По улицам прошло более 35 тысяч человек с лозунгами «Агитация, организация, образование», «Мы голодны!», «Это праздник труда во всем мире». Никаких конфликтов с полицией...

Франция. Париж. Власти запретили проведение манифестации. Парижский гарнизон и крупные подразделения из провинции находились в состоянии боеготовности. Елисейские поля, площадь Согласия посыпаны песком — чтобы легче пройти кавалерии. От вокзала Сен-Лазар к Национальному собранию двигалась колонна демонстрантов для вручения петиции с требованием о введении 8-часового рабочего дня...

Италия. Рим, Болонья, Турин, Милан. Города на осадном положении. Войска в боевой готовности. Везде прекращена торговля. Под предлогом, что рабочие замышляют грабежи, их арестовывают и избивают...

Австрия. Вена. С самого утра по всему городу проходят собрания и митинги. Ораторы говорят, что день 1 Мая, завоеванный у капитала и властей, является символом мощи рабочего класса, который идет в ногу с рабочим классом всех наций. Вечером в парке «Пратер» многолюдно и весело. Всюду звучит музыка, поют народные песни, танцуют. Работают все аттракционы, концертные площадки, кругом безукоризненный порядок. 1 Мая приобрел характер праздника трудового народа.

Англия. Лондон. Две огромные процессии по набережной Темзы направляются в Гайд-Парк. Сотни знамен, гремят оркестры. Все рабочие одеты по-праздничному, идут стройными рядами. В Гайд-Парке возведено 15 эстрад для многочисленных ораторов. Среди выступавших молодой Бернард Шоу. На одной из трибун Фридрих Энгельс...

1 мая 1890 года Фридрих Энгельс пишет в одном из предисловий к «Манифесту Коммунистической партии»: «Сегодня, когда я пишу эти строки, европейский и американский пролетариат производит смотр своим боевым силам, впервые мобилизованным в **одну** армию, под **одним** знаменем, ради **одной** ближайшей цели — для законодательного установления нормального восьмичасового рабочего дня... И зрелище сегодняшнего дня покажет капиталистам и землевладельцам всех стран, что пролетарии всех стран ныне действительно соединились.

О, если бы Маркс был теперь рядом со мной, чтобы видеть это собственными глазами!»

ПОДПОЛЬЕ

В тот день стояла теплая, солнечная, весенняя погода... Соблюдая конспирацию, на тихую и безлюдную поляну у устья реки Екатерингофки пришли рабочий бумаготкацкой фабрики Федор Афанасьев, кузнец Егор Климанов, студент Михаил Бруснев, рабочий резиновой мануфактуры Владимир Прошин, железнодорожный слесарь Николай Богданов... Всего собралось около 200 человек.

Михаил Бруснев прикрепил на макушку березы красный флажок, а Егор Климанов прибил к дереву небольшой фанерный щит с надписью: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Рабочие разговаривали тихо, и только изредка раздавались приглушенные смешки — это по рукам ходили нелегальные карикатуры на царскую монархию. На одной из них — тучная свинья с лихо сдвинутой набекрень короной, жадно лакающая водку.

Но вот на небольшой бугорок поднялся Николай Богданов и произнес короткую речь... Ораторы выступали один за другим. Потом спели вполголоса несколько революционных песен.

За границей Георгий Плеханов и группа «Освобождение труда» издали тоненькую брошюру с речами на первой маевке — это золотой фонд подпольной русской литературы.

Вся Россия наводнена листовками и прокламациями к 1 Мая, отпечатанными в подпольных типографиях. Они на разных языках и разных форматов, но смысл их один — «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

Если взглянуть на карту России со схемой празднования 1 Мая 1905 года, то видно, что вся страна от Петербурга до Батума, от Киева до Москвы, от Одессы до Перми была охвачена забастовками, стачками, демонстрациями. Из рук в руки переходят ленинские прокламации "Первое мая"— путеводители в справедливой борьбе рабочего класса.

1 МАЯ — ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПРАЗДНИК СВОБОДНОЙ РОССИИ

1917 год. 1 мая. Из дневника посла Франции в России: «...С утра по мостам, проспектам стекается к центру народ... Солдаты, женщины, дети несут на ветру красные знамена. Огромная площадь похожа на людской океан с тысячью красных полотнищ... Дюжина военных оркестров, расположившихся на разных концах площади, играют «Марсельезу», которая сменяется оперной и балетной музыкой... Повсюду лозунги: «Долой войну!» «Да здравствует Интернационал!», «Мы хотим свободу, землю, мир!»...

Многотысячным плотным кольцом на Марсовом поле в 2 часа дня народ окружил одну из трибун. Оратор пламенно говорил о значении 1 Мая, о задачах русской революции... Это был Ленин.

Каким он будет, Первомай в стране победившего пролетариата? Такой вопрос задавали во всем мире после Великой Октябрьской социалистической революции. Ведь 8-часовой рабочий день уже установлен, братство и свобода — это политика молодого Советского государства. Все, о чем мечтал рабочий человек, революция дала, так что же еще?

И 1 Мая 1918 года боевыми лозунгами страны становятся лозунги укрепления Советской власти, поддержка освободительной борьбы народов других стран.

В Москве, куда к этому времени переехало правительство молодой Советской республики, колонны демонстрантов — рабочих и крестьян замыкали подразделения Красной Армии — первый военный парад. Редкие кадры кинохроники запечатлели во время этого парада на Ходынском поле Владимира Ильича, Н. К. Крупскую и М. И. Ульянову.

Первые десятилетия Советской власти. В СССР праздник 1 Мая — это улыбки, цветы, флаги, музыка. До миллиона человек выходило на майские демонстрации в Москве, а вечером — на улицах и площадях народные гулянья с танцами и песнями. А с 1928 года правительство СССР постановило считать праздником и нерабочим днем 2 мая.

Совсем иная атмосфера Первомая в странах капитала... В Германии рвется к власти фашизм. Истерические выступления Гитлера и факельные шествия фанатиков-молодчиков... После организованного фашистами поджога рейхстага в стране происходят массовые аресты, созданы концлагеря, в ранг закона возведен террор на коммунистов. 3 марта 1933 года арестован Эрнст Тельман.

Рабочие, все честные люди Германии ждали Первомая, чтобы дать фашистам бой. Но Гитлер вынуждает профсоюзы провести массовые первомайские манифестации совместно с нацистами. А 2 мая были арестованы все лидеры рабочего и профсоюзного движения, собственность профсоюзов передана нацистскому «Трудовому фронту».

1937 год. Во всем мире развернулось движение солидарности рабочих с испанскими республиканцами. СССР оказывает им помощь продовольствием, медикаментами, вооружением, а на советских аэродромах совершают посадки самолеты с детьми тех, кто погиб в боях, защищая свободу своего народа. 1 Мая 1937 года Мадрид находился под контролем республиканцев, а в миллионной демонстрации плечом к плечу с испанцами шли добровольцы, бойцы интернациональных бригад.

* * *

После победы над фашизмом празднование 1 Мая обрело новую силу. Уже в 1945 году в освобожденных странах по улицам городов и деревень прошли многолюдные демонстрации. В колоннах демонстрантов люди в полосатой одежде — это узники концентрационных лагерей.

Вот что писал о московском Первомае 1945 года Константин Федин:

«Парад на Красной площади в Москве Первого мая еще не мог быть наименован парадом победы. Но он был им. Он был парадом Победы Советского Союза — это чувствовал народ, он хотел этого, он жаждал великой, справедливой награды за свой героизм, за свою жертвенность. Такой наградой могла быть только победа.

...На Красной площади происходила молчаливая перекличка ожидавшего конца войны советского народа в тылу с Красной Армией, приводившей войну к концу на фронте.— Скоро ли?— как будто вопрошал народ.— Скоро,— как будто отвечали войска своим строем — от маршала до суворовца».

* * *

Сейчас практически нет ни одной страны, где бы не отмечался праздник 1 Мая. И все же попытки помешать этому всемирному торжеству всех пролетариев не прекращаются.

Белый дом в апреле 1984 года огласил «Прокламацию» президента Рейгана: «1 Мая 1984 года — День законности в США — является временем подтверждения важной роли правопорядка в развитии и сохранении нашего свободного общества... Я призываю (далее идет перечисление всех слоев общества.— **Прим. ред.**)..., а также отдельных лиц присоединиться к кампании, направленной на то, чтобы привлечь внимание к необходимости обеспечения правопорядка. Я призываю также всех государственных служащих вывесить на всех правительственных учреждениях в День законности, 1 Мая 1984 года, государственный флаг Соединенных Штатов».

Назвав свое обращение прокламацией, по звучанию схожей с первомайскими прокламациями, президент хотел воспрепятствовать трудящимся отметить свой праздник по-боевому, в стачках и демонстрациях, в борьбе за свои права. Хотел сделать 1 Мая днем покорного повиновения. Но 1 Мая по улицам Чикаго, где рабочие проложили своей кровью дорогу Первомаю, и в других городах Америки прошли многочисленные демонстрации с красными знаменами, на которых демонстранты выдвигали свои справедливые требования.

...Ровно 100 лет идет битва мирового пролетариата за свои права под знаменем Первомая. В этот день на всех пяти континентах земного шара поднимаются ввысь красные флаги международной солидарности рабочих под славным девизом коммунистов «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

Г. Кичигин. Род. 1951. БУКЕТ ДЛЯ МАСТЕРСКОЙ. 1985.

Всесоюзная художественная выставка «Мы строим коммунизм».

И. Клычев. Род. 1923. ЛЕГЕНДА. 1982.

Всесоюзная художественная выставка «Мы строим коммунизм».

ЗНАМЯ ПЕРВЫХ МАЕВОК

Д. ШУМСКИЙ

В историческом музее Харькова хранится одна дорогая сердцу реликвия. На красном полотнище золотом горят слова: «Да здравствует социализм!» Люди интересуются, спрашивают: кто вышивал?

Не раз слышал, как экскурсоводы отвечают:

— Жены рабочих-железнодорожников Скорохода и Кабаненко. Делалось это тайком, при свете керосиновой лампы. Красное шелковое полотнище, золотистая тесьма и кисти были куплены на отчисления от скудного заработка рабочими паровозного депо.

Под этим знаменем впервые вышли на демонстрацию 2 мая 1905 года. А потом...

Об этом мне как-то рассказывал участник первой русской и Великой Октябрьской социалистической революций Илья Николаевич Нарижный, который хорошо знал Скорохода и Кабаненко.

Илья Николаевич поведал о том, как шел сбор средств, кто вышивал знамя. Вспомнил о Николае Максимовиче Кабаненко:

— У нас он был руководителем одной из дружин. В его руках Красное знамя гордо реяло во время двадцатитысячного митинга на Ващенковской леваде. Но это было только начало...

Нарижный немного задумался, а потом продолжал:

— Выступлением харьковского пролетариата руководила большевистская группа «Вперед», во главе которой стоял закаленный революционер Артем, то есть Федор Андреевич Сергеев. В декабре 1905 года политическая забастовка у нас вслед за Московой переросла в вооруженное восстание. Мостовые обагрились кровью. Ранен Кабаненко. Его брат убит. Когда наступили черные годы реакции, рабочие вынуждены были спрятать знамя.

— У кого же оно находилось? — спрашиваю собеседника.

— Вначале его хранил Скороход, а потом — Кабаненко. Разобрав кусок стены за печкой, Николай Максимович в образовавшуюся нишу положил сверток со стягом, политым кровью. И замуровал отверстие кирпичом, замазал известью. Вскоре Кабаненко арестовали. Его семья оказалась в бедственном материальном положении.

— В музее электровозного депо я узнал, что в это время вы участвовали в сборе средств на выпуск газеты «Правда» и в помощь семье Кабаненко, арестованного и высланного царским правительством.

— Помогал, как мог...

— Кто еще работал тогда с вами в подполье?

— Слесари Воронин, Глаголев, Пронин... Многие харьковские революционеры были брошены в тюрьмы, сосланы на каторгу. Лишь некоторым удалось скрыться за границей, например, Артему, о чем мы узнали значительно позже.

Рассказываю Нарижному о своей встрече с человеком, которому довелось работать в Австралии с Артемом. От него я узнал, что Артем был там не просто докером и строителем, но и душой рабочей колонии русских эмигрантов. Выходила газета «Австралийское эхо» на русском языке. Русская колония собрала средства для детей, осиротевших после кровавой расправы на Лене.

Артем сумел покинуть Австралию, как только пришла весть о свержении царского самодержавия. А вот человек, который мне рассказал о нем, вырвался на родину только в 1921 году. Кто этот человек? Владимир Николаевич Наседкин.

Необычно сложилась у него жизнь. Его детство и юность проходили на окраине Харькова. Еще до первой русской революции юношей начал он работать в подпольной типографии, стал членом боевой дружины РСДРП. В 1907 году его арестовали и вскоре выслали в Восточную Сибирь. Отсюда он бежал в Японию.

За рубежом Наседкин хлебнул полной мерой горя. Нигде постоянной работы найти не мог. Оставалось продолжать кругосветное скитание, которое длилось пятнадцать лет. Гнали его тяжелая нужда и голод. Был землекопом и кули, грузчиком и поваром, матросом на пароходе и чернорабочим на фабрике. Пилил и колол дрова, стирал белье, за кусок хлеба служил в зажиточной южноамериканской семье...

Тысячи километров прошел пешком Наседкин по разным странам и континентам. Почти три года провел в тюрьмах и лагерях Франции, твердо отклоняя предложения поступить в иностранный легион...

Спрашиваю Илью Николаевича о тех временах, когда до Харькова дошла весть о победе пролетарской революции в Петрограде.

— Радовались мы,— говорит он.— Но установлению Советской власти оказывали сопротивление украинские буржуазные националисты. Когда 21 ноября 1917 года в Харьков прибыл бронепоезд с отрядом путиловцев и кронштадтских моряков, соотношение сил у нас изменилось в пользу революции. В ночь на 3 декабря красногвардейские отряды заняли почту, телеграф, вокзал и другие важные объекты. Тогда же был создан большевистский военно-революционный комитет во главе с Артемом.

Старое боевое Красное знамя снова взвилось над колоннами. С ним рабочий отряд громил корниловцев, участвовал в боях с петлюровскими бандами под Киевом. В годы гражданской войны в Харькове формировались рабочие отряды, пополнявшие части Красной Армии. Эти отряды сыграли важную роль в защите Донбасса от белогвардейцев, в утверждении Советской власти на Украине.

— А где было знамя в то время, когда германские империалисты оккупировали Украину?

— Харьков нами был оставлен весной 1918 года. Тогда группа рабочих из актива, отправившись в Москву, взяла с собой знамя и 2 мая участвовала в демонстрации на Красной площади.

Маленькое отступление: мне удалось найти человека, который шагал под этим знаменем по улицам столицы. Это П. П. Соколов, работавший слесарем в депо. «Мы твердо верили тогда,— вспоминал Петр Петрович,— что Красная Армия скоро очистит родную землю Украины».

— Скажите, у кого находилось знамя в девятнадцатом году, когда в ваш город ворвались деникинцы? — спрашиваю у Ильи Николаевича.

— Хорошо, что вспомнили... Тогда один из жителей Харькова, сочувствовавший большевикам, зашил его под подкладку пальто. Имени этого человека мы до сих пор так и не знаем. Он и сохранил знамя. В материалах музея нашего электровозного депо, кажется, об этом сказано...

— Когда же знамя было передано в Харьковский исторический музей?

— В 1925 году. А в скорбные дни 1924-го к знамени была прикреплена траурная лента, и мы дали клятву выполнить заветы Владимира Ильича.

В тот день, когда я был у Нарижного, он рассказал мне о своем внуке. Зовут его так же, как и деда, Илья, и отчество такое же — Николаевич. Много лет возглавлял он на заводе «Электромашина» комсомольскую организацию, награжден Почетной грамотой ЦК ВЛКСМ. Окончил техникум.

Дед гордится своим внуком. А тут еще одно приятное известие: Илье поручили идти в праздничной колонне знаменосцев.

— Молодец! — говорил внуку дед.— Только лучшим из лучших доверяют знамена. Так было. Так есть. Так будет. Неси его высоко и гордо!

Недавно я был на заводе объединения «Укрэлектромаш», заходил в цех цветного литья, где работает плавильщиком Илья Николаевич Козлов, внук Нарижного. В разговоре коснулись майского праздника.

— Между прочим, на первомайской демонстрации наш цех будет возглавлять заводскую колонну,— сказал он.

— А кто понесет знамя завода?

— Мне доверили...

«ОГОНЕК» ВЫСТУПИЛ. ЧТО СДЕЛАНО!

ПРОВЕРКОЙ УСТАНОВЛЕНО

В № 10 «Огонька» было опубликовано несколько писем наших читателей под общим заголовком «Почему задерживается доставка журнала?».

На днях редакция получила ответ начальника Главного управления почтовой связи Б. П. Бутенко, в котором он сообщил, что вопрос о своевременной доставке подписчикам газет и журналов был рассмотрен коллегией Министерства связи СССР с участием представителей издательств «Правда», «Известия», «Труд», «Красная звезда». В принятом постановлении определены задачи по улучшению и совершенствованию работы доставочной службы.

В этом же письме Министерства связи СССР сообщается, что все сигналы наших читателей проверены.

При оформлении подписки Н. Щербакову из г. Горького была допущена ошибка, за что заведующая информационно-вычислительного центра областного управления связи тов. Катаева и ее заместитель тов. Солнцева лишены премиального вознаграждения. Все номера «Огонька» доставлены подписчику, и ему принесены извинения.

Установлено, что Г. Горлова из Ленинграда получила три номера «Огонька» с опозданием, так как издательство экспедировало эти номера с задержкой на несколько дней.

Подписчику К. Фуксу из Чирчика журнал не доставили из-за болезни почтальона. Начальник 3-го отделения связи тов. Махарлямова наказана, ей снижен размер премиального вознаграждения. К. Фуксу принесены извинения.

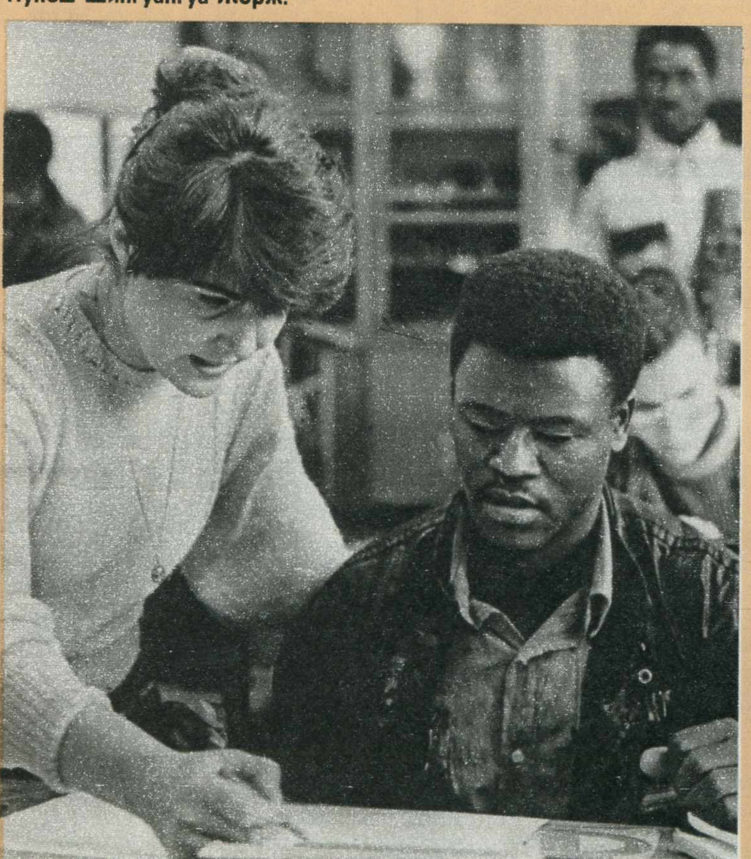
Факты неудовлетворительной доставки журнала А. Тимуш из Кишинева тоже подтвердились. За безответственное отношение к своим обязанностям начальник 68-го отделения связи тов. Заичкина от занимаемой должности освобождена.

Мы учимся в МАДИ.

УРОК В МОСКВЕ, ЭКЗАМЕН – ДОМА

Н. КРЫЛОВА
Фото А. НАГРАЛЬЯНА

Фарук Якин.

Нунеш Шингуангуа Жорж.

Месфин Ворку.

Свыше половины населения планеты приходится сегодня на страны, недавно освободившиеся от колониального ига. Народам этих стран досталось тяжелое наследство от бывших хозяев — нищета, отсталая экономика, астрономические долги. Жизненно важная проблема для молодых развивающихся государств — подготовка национальных кадров.

Во многих советских вузах учатся сегодня студенты из Азии, Африки, Латинской Америки. Есть они и в других странах социалистического содружества.

СЭВ, советские общественные организации — профсоюзы, Союз советских обществ дружбы, Комитет советских женщин — выделяют специальные стипендии, чтобы в развивающихся государствах появились свои врачи, инженеры, учителя.

Только в одном столичном вузе, Московском автомобильно-дорожном институте, занимаются ребята и девушки из шестидесяти одной страны. В канун Первомая мы обратились к четырем из них с вопросом: «Что для вас означают такие слова, как взаимопомощь, солидарность, интернационализм?»

АНГОЛА.
Нунеш Шингуангуа Жорж

Недавно на уроке русского мы разбирали текст про космос. В тот год, когда Юрий Гагарин облетел Землю, я родился. Наша улица называлась авенида Коронел Артуро де Пайва. Это имя португальского полковника, прославившегося еще в XV веке своими подвигами в Африке. Теперь это улица Рей Катьявала—так звали народного героя, который сражался против работорговцев. А главная площадь у нас в столице — площадь Первого мая. Здесь 11 ноября 1975 года Агостиньо Нето провозгласил независимость Анголы. Одним из первых нашу страну признал Советский Союз. Он прислал к нам своих агрономов, врачей, строителей. А расисты ЮАР шлют на нашу землю головорезов, вооруженных американским оружием. Совсем недавно Рейган принимал в Вашингтоне главаря контрреволюционных банд Савимби и обещал ему новые миллионы на войну против Анголы.

Отражать агрессию нам помогают кубинцы. Я познакомился с ними, когда служил в армии. После девятого класса я пошел добровольцем защищать родину. Четыре года воевал. Потом окончил десятый класс школы. Сейчас у меня на фронте брат.

АФГАНИСТАН.
Фарук Якин

Моя родина, наверное, единственная в мире страна, где существует Союз вдов. Его создали жены и матери патриотов, которые погибли, защищая завоевания Апрельской революции. Каждый день у нас гибнут люди от рук душманов. Против них вместе с афганцами сражаются и советские солдаты, выполняя свой интернациональный долг.

Не знаю, сколько моих соотечественников учится в вашей стране, думаю, немало. Назову другую цифру. Ее привел в своем интервью Бабрак Кармаль: сто пятьдесят учебных центров в Пакистане, Иране, Китае готовят ежегодно сорок — пятьдесят тысяч бандитов для подрывных акций против нашей республики.

СССР — наш давний друг. Благодаря поддержке Советской России мы победили в 1919 году английских империалистов. В 1921 году молодое Советское государство, истерзанное гражданской войной и интервенцией, заключило договор с Афганистаном и стало помогать нам. Сегодня на карте нашей страны около двухсот объектов, которые построены или сооружаются с участием Советского Союза. Я стану инженером-автомехаником. Мечтаю о том времени, когда по всем дорогам Афганистана можно будет ездить без страха подорваться на мине душманов.

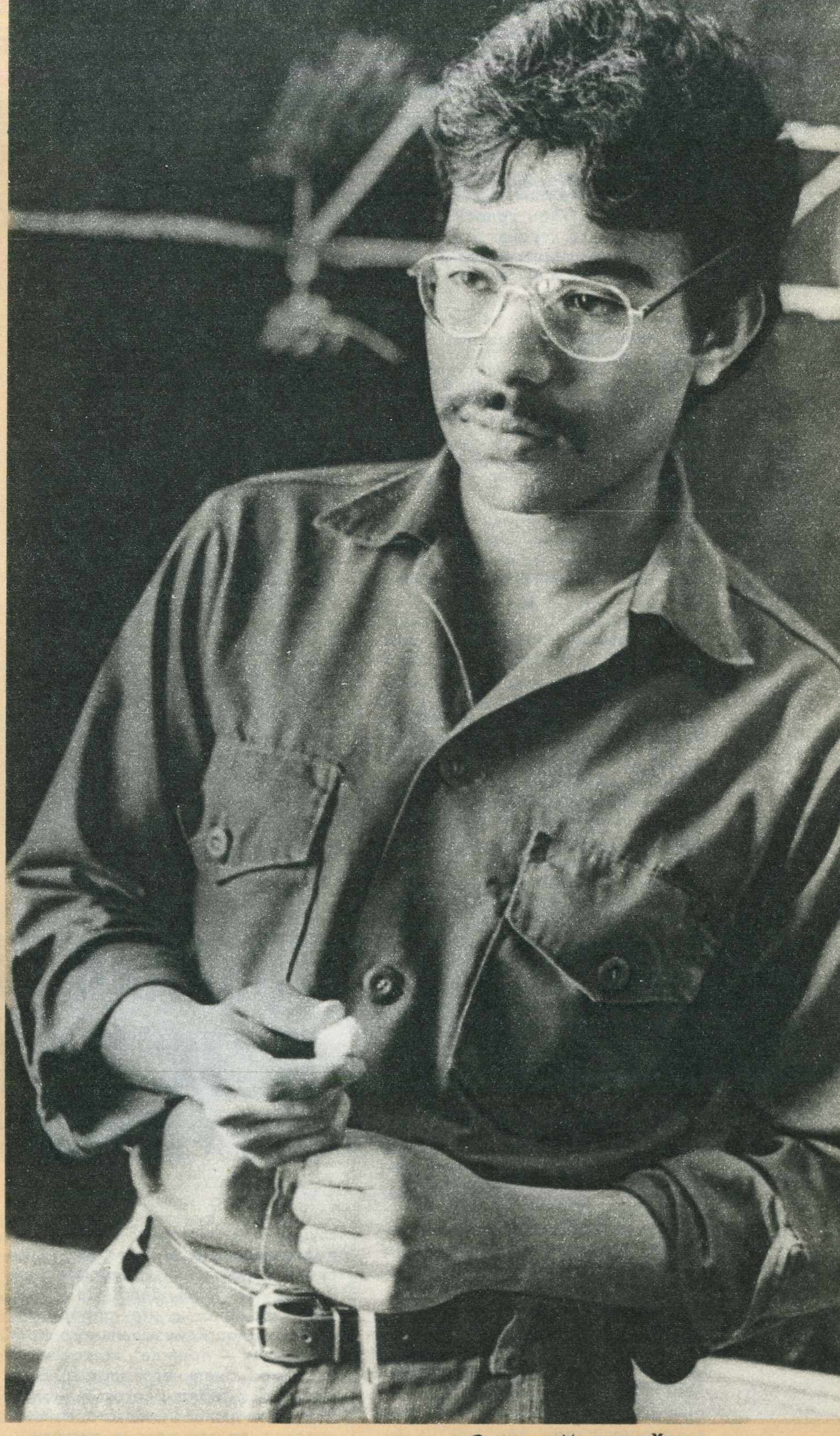
НИКАРАГУА.
Эдуардо Мирандо Хаим

Боканас де Пайгуас — это название небольшой деревушки в самом центре Никарагуа, куда мы с сестрой Георгиной поехали, когда Сандинистский фронт национального освобождения обратился к молодежи с призывом включиться в кампанию по ликвидации неграмотности. Ни один из жителей этой деревни, даже те, кто побогаче, не умел ни читать, ни писать. Диктатор Сомоса не собирался учить грамоте бедняков.

После победы революции наше правительство делает все, чтобы открыть народу дорогу к знаниям. Нам пришли на помощь люди из многих стран. Сегодня в Никарагуа вы можете встретить шведов, французов, американцев. Друзья помогают нам открывать школы, медпункты. А если вы повстречаетесь в Никарагуа с кубинцем, то он скорее всего окажется врачом или учителем.

Очень большим авторитетом пользуются у нас советские специалисты. Как они болеют за дело! Да, интернационализм — это черта характера советских людей. Правильно сказал Че Гевара, что революционером может быть тот, кто способен чувствовать страдания других народов.

Я сейчас на третьем курсе. Буду инженером по строительству мостов и туннелей. У меня была возможность выбрать, куда поехать учиться — на Кубу, в ГДР, Болгарию, Чехословакию. Я выбрал Советский Союз — родину Ленина.

Эдуардо Мирандо Хаим.

ЭФИОПИЯ.
Месфин Ворку

Первым русским, с которым я познакомился, был врач из советского госпиталя, где мне пришлось проходить медицинскую комиссию перед отъездом в Москву. Госпиталь в Аддис-Абебе очень известен у меня на родине.

Говорят, друзья познаются в беде. Когда недавно на Эфиопию обрушилась страшная многолетняя засуха, то Советский Союз прислал нам сотни грузовиков, самолеты, вертолеты. В аэропорту Боле не стихал гул моторов — с интервалом в 10—15 минут садились транспортные самолеты с красной звездой. Многие страны направили нам помощь — продукты, лекарства, семена. Три четверти грузов для пострадавших районов перевезли советские летчики и шоферы. Каждый день у нас показывали по телевизору длинные колонны советских грузовиков. Наша страна всего одиннадцать лет назад покончила с феодально-монархическим строем, потом нам пришлось воевать с агрессорами и сепаратистами. Эфиопия считалась одной из самых отсталых стран в мире. А тут эта страшная засуха. Она поразила 95 из 102 административных районов. Если бы мы оказались одни, то страдания нашего народа были бы неизмеримо больше.

У меня пять братьев и сестер. Братья — это ведь не только сыновья одной матери. Так называют людей, которые бросаются тебе на помощь. По-моему, это самая большая ценность в жизни.

Мы встретились с народным артистом СССР, лауреатом Ленинской премии, художественным руководителем и главным дирижером Государственного симфонического оркестра Министерства культуры СССР Геннадием Николаевичем РОЖДЕСТВЕНСКИМ во Всесоюзном доме звукозаписи, сразу после окончания записи на пластинку Первой симфонии известного советского композитора Альфреда Шнитке. Это был третий день записи. Третий день серьезной и одухотворенной работы дирижера, звукорежиссера, музыкантов, когда минута за минутой, час за часом по фрагментам, частям рождалось цельное музыкальное полотно.

...Но вот стихли голоса инструментов, разошлись оркестранты, опустела большая студия, и я подошел к Геннадию Николаевичу, немного усталому, сосредоточенному. Протягивая руку, он улыбнулся и сказал: «Теперь я весь в вашем распоряжении...»

ГЕННАДИЙ РОЖДЕСТВЕНСКИЙ: И ДЖАЗ, И СИМФОНИЯ

— Геннадий Николаевич, нашу беседу хотелось бы начать с обсуждения проблемы, актуальность которой привлекает сегодня внимание многих. Я имею в виду музыку, как одну из форм нашего художественного общения. Что вы лично вкладываете в смысл понятия «общение с музыкой» и как с помощью дирижерского искусства решаете эту задачу?

— Общение с музыкой... В целом это явление многообразное, исчерпывающее толкование которого дать, конечно, очень трудно. Тем не менее я бы смог охарактеризовать его так: ощущение нами внутреннего мира композитора, контакт с исполнителем, непосредственно интерпретирующим данную музыку, а точнее с его чувственной и эмоциональной стороной; улавливание собственного душевного настроя и его подключение к звуковому фону и, наконец, наше совместное сопереживание исполняемого произведения. Центральным звеном во всей этой цепочке, конечно, является передача музыки слушателю, в чем и заключается суть моей профессии дирижера. Поэтому у меня есть свои этапы общения. Первый — это познавание музыки мною, то есть изучение и вызревание ее, второй — это передача моих намерений оркестру и третий — это то, что от оркестра идет к публике.

Мне думается, что дирижер в этом процессе располагает бо́льшими средствами воздействия на слушателя, чем, скажем, инструменталист, так как арсенал этих средств — я имею в виду прежде всего выразительные средства — не только гораздо шире, но и намного ярче, мощнее, а следовательно и производит большее впечатление на слушателя.

— Одной из форм вашего общения с аудиторией, как известно, является вступительное слово перед началом концерта. Что вами этим достигается?

— Вступительное слово, которое я говорю перед тем, как начать дирижировать — это один из внешних приемов общения, направленного, как принято говорить, на пропаганду музыки, а если расширить это понятие, то на популяризацию и внедрение симфонической музыки в самые широкие слои слушательских масс или тех масс, которые еще не являются слушательскими, но со временем станут ими. Мотивом для такого рода выступлений послужила весьма простая причина: очень плохое состояние аннотаций к программам концертов. Обычно это заготовленные штампы с изложением хрестоматийных сведений из жизни и творчества композитора. Как правило, эти аннотации вкладываются в любую программу независимо от исполнителя или исполнителей. Поэтому, когда дирижер сам рассказывает о сочинении, то в первую очередь он высказывает свою точку зрения на музыку, что, бесспорно, помогает публике расширить границы восприятия.

— Так вы считаете, что для восприятия, скажем, той же симфонической музыки слушателя необходимо как-то заранее сориентировать или, как вы подчеркнули, подготовить?

— Я бы не хотел утверждать, что каждому надо обязательно пройти какую-то школу подготовки восприятия серьезных симфонических сочинений. Вот, к примеру, Первая симфония Альфреда Шнитке, которую мы только что записали. Во всех отношениях музыкальная ткань этого сочинения чрезвычайно сложна. Однако, несмотря на сложность, симфония пользуется огромным успехом не только у знатоков и истинных ценителей симфонической музыки, но и у публики, далеко не всегда искушенной, и даже у той части слушателей, которая вообще не подготовлена к восприятию такой суммы музыкальных впечатлений. В чем же здесь дело? Да в том, что́ заложено и что́ определяет саму сущность музыкального произведения — прежде всего наличие эмоционального заряда. Если нет такого заряда, который может получить даже неподготовленный человек, то это удар в пустоту.

— И все-таки что же иногда мешает привлечь на концерты симфонической музыки широкую аудиторию слушателей?

— Одна из причин, мне кажется, заключается в самой системе организации концертов. То, как срабатывает механизм этой системы, во многом зависит от наших концертных организаций и культурно-просветительных учреждений. К сожалению, механизм этот пока еще недостаточно отлажен. Так, например, приходится часто сталкиваться с неверной в корне репертуарной политикой, когда во главу угла ставится кассовый успех программы. Во всяком случае, при составлении программ необходимо очень строго соблюдать разумный баланс — включать не только весьма популярные симфонические произведения, но и те, которые редко исполняются на эстраде и в особенности сочинения современных авторов. Иначе получается «перекос». Оставляет желать лучшего и реклама симфонических и камерных программ, а также уровень деятельности самих концертных работников, которые должны относиться к массовому музыкально-эстетическому воспитанию не формально, а творчески, то есть гореть этим делом, жить этим. В работу по широкой пропаганде серьезной академической музыки следует включаться не только филармониям, но и школам, средним и высшим учебным заведениям, средствам массовой информации.

— Интересно, а есть ли у вас свой идеал слушателя?

— Да, есть. С ним я часто сталкиваюсь и на концертах, и в жизни. Это прежде всего человек не из числа случайных посетителей, а тот, кто хорошо знает, для чего он пришел в зал, даже если пришел и освистать. Это слушатель, для которого концерт — событие в жизни, праздник музыки. Плохо, когда публика приходит на концерт убить время, ради праздного любопытства, подогретого нездоровым ажиотажем вокруг произведения или исполнителя. Мой слушатель — это истинный ценитель всякой музыки, вдумчивый, грамотный и доброжелательный. Такому слушателю хочется протянуть руку как другу нашего искусства.

— Понятно, Геннадий Николаевич, ваше стремление завоевать больше новых слушателей. Но сегодня сложилась такая ситуация, что язык серьезной музыки стал языком общения лишь узкого круга людей — в основном профессиональных музыкантов и страстных ее любителей, в то время как легкая музыка привлекла к себе подавляющую часть аудитории. Не стала ли серьезная музыка утрачивать свои былые позиции, например, из-за усложнения своего языка, формы?

— Согласен, что так называемая легкая музыка притягивает к себе большую часть слушателей во всем мире и, видимо, так оно и будет происходить. Причин тому множество — это и сама структура легкой музыки, это и ее тематика, если она связана с текстом, особый красочный колорит, внешний антураж и многие другие качества, непосредственно вызывающие реакцию у слушателей. Любая музыка хороша вне зависимости от жанра, если она является высокохудожественным образцом, а не низкосортным «ширпотребом». Мы знаем много высоких образцов и в музыке легкой, и в музыке серьезной.

Увлеченность модными течениями легкой музыки, особенно молодежи, всегда непостоянна — как волна, она приходит и отходит. Да и можно ли угнаться за капризами этой моды, если жизнь того или иного нового стиля в легкой музыке отличается сравнительной непродолжительностью? Появились блюз, свинг, рок и другие стили. Просуществовав в музыке какой-то срок, они постепенно уступили и уступают место другим течениям, растворяясь в этих направлениях или оживая в виде «ретро». А музыка Моцарта никуда не ушла. Напрашивается вопрос: чем же «фильтруются» колоссальные наслоения музыки?

Прежде всего самим человеком, его эпохой. Критерием отбора являются те потенциальные, непреходящие ценности, которые заложены в самой музыке, а также сила ее социальной значимости. Время то́лько корректирует эту значимость. Вот почему на протяжении всей истории музыкального искусства мы не наблюдаем отмирания ни одного из тех жанров, которые себя оправдали и стали для нас классическими так же, как произведения литературы, поэзии, театра, живописи.

— Но ведь, с другой стороны, нельзя не увидеть, как интонации одного жанра свободно «перетекают» в другой. Какую закономерность вы усматриваете в этом взаимопроникновении?

— Тогда пойдем дальше. В самых классических музыкальных шедеврах, начиная с Гайдна, все построено на танце, а следовательно, на легкой музыке того времени. И Гайдн, и Моцарт, и Бетховен, и Шуберт, и композиторы последующих эпох сочиняли музыку как серьезную, так и развлекательную. В этом смысле они были универсалы, а диктовала им такую необходимость сама жизнь. Вполне понятно, что избежать взаимопроникновения интонаций было просто невозможно. Но вот когда в начале нашего века родился джаз и, как закономерность, проник в серьезную музыку, то возник неожиданный парадокс: почему-то в этом проникновении стали усматривать какой-то порок и даже бороться с ним. А почему, собственно говоря? Чем этот процесс отличается от процессов, о которых мы только что говорили? И могли ли художники огромного масштаба, как, например, Стравинский, Дебюсси, Мийо, Прокофьев или Шостакович, пройти мимо такого значительного явления, я бы добавил — достижения, каким является джаз? Конечно, нет. До сегодняшнего дня из джаза черпают свое вдохновение многие «серьезные» композиторы, и отнюдь не только с развлекательной точки зрения. Мы знаем, насколько богат джаз, если он служит целям искусства, а не тонет в коммерции, что очень опасно, конечно. Мы знаем также, каких

мастеров дал джаз как в области исполнительства, так и других областях музыки. И мы никак мимо этого пройти не можем.

— Очевидно, что вы не только знаете, но и любите джаз. Когда он увлек вас?

— Джаз я открыл для себя еще во время войны, слушая по радио и на грампластинках музыку джаз-оркестров Кнушевицкого, Утесова, Минха, Цфасмана, Варламова, Скоморовского. Их яркая игра произвела на меня необычайно сильное впечатление, я просто влюбился в этот жанр, пробовал даже импровизировать на фортепиано. А потом, уже после войны, познакомился с джазовым искусством таких звезд, как Армстронг, Паркер, Фицжерald, Эллингтон, Гудмен, и других корифеев. Любовь к джазу, бесспорно, к высокохудожественному, я пронес с собой вплоть до сегодняшнего дня. Приходится радоваться, что у нас есть сейчас талантливая смена джазистов, да вот хотя бы дирижер-стажер нашего оркестра Пауль Мяги, виртуозно владеющий джазовой импровизацией на скрипке, и его коллега из Таллина пианист Рейн Раннап, которые блестяще исполнили фрагмент джазовой импровизации при записи симфонии Шнитке. Вы в этом могли убедиться сами.

— Мы уже говорили об особенной тяге к легкой, развлекательной музыке молодежной аудитории. Давайте чуть ближе подойдем к этой дискуссионной сегодня теме. Так, результаты последних социологических исследований показывают, что именно легкий жанр музыки главенствует в списке пяти разновидностей искусства, в то время как инструментальная классическая музыка, опера, а за ними и балет занимают в этом списке последние места. Какова, по-вашему мнению, причина этого? Настораживает ли вас это явление?

— Мне кажется, что не стоит обвинять молодежь в однобокости музыкального вкуса — я имею в виду не всю молодежь, а некоторую ее часть. Ведь жизнь современных молодых людей, что ни говорите, а достаточно психологически сложна, и волей-неволей они ищут выход своим эмоциям. Для молодых людей легкая музыка—это и возможность отдохнуть. Не случайно родилась такая форма досуга, а значит, и общения молодежи, как дискотека. Ритмичная, я бы сказал, «спортивная», музыка дискотек как раз и служит цели психологической разгрузки. Это, я полагаю, одно из интересных и важных направлений художественного воспитания молодежи, опять-таки организация которого должна носить не стихийный, а целенаправленный и разумный характер. В этом деле не следует пренебрегать советами и помощью профессиональных музыкантов, режиссеров.

Жизнь показывает, что с возрастом у человека интерес к музыке досуга постепенно ослабевает, и он начинает испытывать тягу к музыке более углубленной, интеллектуальной. Вот тут-то наступает для него время новых открытий большого и прекрасного мира музыки.

Сейчас у молодых людей имеется просто огромный простор для музыкального самообразования по сравнению, например, с моим поколением. Главное, чтобы человек ощущал в этом свое эстетическое совершенство, воспитание высокого художественного вкуса. Может, это и эгоистичное пожелание, но я бы страстно хотел видеть на концертах как можно больше слушателей — и на своих, и на концертах моих коллег. Пусть приходят к нам в зал не только слушать симфоническую музыку, но и слышать, о чем она говорит.

Беседу вел Вл. ИВАНОВ
Фото А. НАГРАЛЬЯНА

«В ДЕНЬ СВАДЬБЫ»

«В день свадьбы» — так переводится с абхазского языка название старинного хоровода «Шаратын», которое носит Государственный ансамбль танца Абхазии.

«Шаратын» — это молодость, задор, это и традиционные элементы пляса, и ритм современной жизни. «Шаратын» — это пятьдесят статных горянок и молодых горцев. Участница этого ансамбля Эсма Чичба на фестивале народного искусства, проходившего в Карфагене (Тунис), была признана самой очаровательной исполнительницей, а коллективу вручена золотая медаль фестиваля.

С чего начинался «Шаратын»? Лыхны, Члоу, Джгерда, Адзюбжа, Калдахвара — почти все села Абхазии объехал выпускник ГИТИСа Эдуард Бебиа в поисках молодых любителей танца. И тогда набралась небольшая группа — ядро будущего «Шаратына». Это было в 1968 году. Вскоре состоялся первый концерт.

Открывает ансамбль свои выступления своеобразным хороводом «Айбаркра-Шаратын» — грациозным и плавным. Затем зрителя захватывает стремительный танец «Храбрость». Кажется, что многоступенчатая волна вот-вот хлынет в зал, но звучит дружный выкрик «хоу», и танцоры застывают, являя собой как бы скульптурное изваяние. С большим мастерством исполняет ансамбль русские, грузинские, украинские, аджарские, азербайджанские танцы...

Много и успешно путешествует коллектив по нашей стране и за рубежом.

Осенью прошлого года ансамбль выступал в Швеции и Норвегии. Артисты немного побаивались: как воспримут северяне искусство далекого юга? Но опасения оказались напрасными. Особенно восхищались зрители сольными выступлениями Вахтанга Возба. «Рыцарь танца, красавец на сцене», — писали о нем газеты.

«Шаратын» — участник XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве. Тогда же коллективу была присуждена премия Ленинского комсомола Грузии.

— Работы впереди много, — говорит руководитель ансамбля, заслуженный деятель искусств Абхазии Э. Бебиа. — Весной мы выступим с концертами в Казахстане. Затем в Москве, в Концертном зале имени Чайковского. Летом приглашены в Финляндию на фестиваль фольклорной музыки и танца. А впереди — постановка балета «Рица» на музыку молодого композитора В. Чкадуа.

Г. ГУЛИА

Сухуми.

Владислав ШОШИН

Дружба людей

ГЕРОЯМ

Водою мертвой и живым огнем
Их путь война крестила в смертной стыни.
Гудят неумолкаемо о том
Колокола Красухи и Хатыни.

И в дни, когда Европу сжечь дотла
Заокеанский угрожает атом,
Сердца героев, как колокола,
Гудят неумолкающим набатом.

Чтоб не посмела черная рука
Нажать гашетку ядерного ветра,
Не говори: их юность коротка.
Скажи точнее: юность их бессмертна.

●

А он все играет, играет...
Палящее солнце сгорает
На гранях тревожных штыков.
А он все играет, играет...
Он в памяти перебирает
Названья знакомых полков.

Уманский, и Красногвардейский,
И тот, что с проклятой, злодейской
В Берлине покончил с войной.
Чужда ветерану усталость,
Да только души не осталось
Из роты его ни одной.

Победы заря величава,
И плещет бессмертная слава
По крепким гвардейским плечам.
Но много дорог за плечами,
Но где они, однополчане?
Не видно их, однополчан.

Как свечи, они отгорели,
Как свечи, что страны согрели,
Как светочи в черную ночь.
На розах заря догорает,
А он все играет, играет,
Чтоб радостью скорби помочь.

Рукою, давно уже штатской,
Берет он баян свой солдатский
И снова в бои нас ведет.
Двадцатый уж век догорает,
А он все играет, играет...
А он не закончил поход.

И в песне, далекой и тонкой,
Я слышу рыданье ребенка
И Ладоги плен ледяной.
И верю, что все не напрасно,
Что небо останется ясно
Над каждой любовью земной.

Дымятся гвардейца дороги,
Чтоб черная бездна тревоги
Планету не пересекла.
Гвардейская жизнь догорает,
А он все играет, играет...
А новая юность светла.

●

Свобода и смелый ветер — все это она, она,
Единственная на свете, большая моя страна.
Ликует ли день погожий иль туча идет над ней,
Нам нет ее в жизни дороже, и нет ничего родней.

От южного изобилья до северных валунов
Сам воздух пропитан былью великих ее основ.

И вещих основ бессмертьем страна окрыляет нас,
И в будущее мы чертим прямые счастливых трасс.

Но радость рождает зависть, и в небе встает гроза,
Щетиной ракет оскалясь, нейтронным дождем грозя.

Кто счастлив, тот мирно строит, тот войны берет в бетон,
Но это и беспокоит бандитской грозы притон.

И саван свой развевает гроза, торопя шаги,
И вот уж Земля взывает к стране моей: «Помоги!..»

Я в технике смыслю плохо, но жизнь или смерть пойму.
Прекрасна моя эпоха, нельзя ей упасть в дыму.

Пусть молния красным глазом грозится календарю,
Но я, не колеблясь:
«Разум да здравствует!» — говорю.

Над плитами полигона, над стыками двух эпох
Уже многосотмиллионный взлетает надежды вздох.

И черной грозе ответно бросает Отчизна вдаль
Упорную силу ветра, в котором тугая сталь.

Свобода и смелый ветер — все это она, она.
Единственная на свете, большая моя страна.

Чтобы по ее веленью пожар войны отгорел,
Натянуты нынче звенья ее реактивных стрел.

Пусть будут бледнее мела гроза и творцы ее,
Лишь только б не загремела планета в небытие.

И нет ничего прекрасней, чем эта святая цель —
Украсить цветами счастья грядущего колыбель!

●

Что всего дороже в мире?
Чтоб в Кабуле и в Сибири
Раздавался без помех
Вешним звоном детский смех.

Что всего дороже в мире?
Чтобы шла весна все шире
Над просторами Земли
И над волнами вдали.

Что всего дороже в мире?
Голос истины в эфире,
Неба купол голубой
Надо мной и над тобой.

Что всего дороже в мире?
Розы в парке, струны в лире,
В небе чистым серебром
Не военный — вешний гром!

●

Ленинград и просторы Певека,
Ширь Хабаровска и Зангезур...
Поднимаются витязи века,
Чтоб закрыть оскал амбразур.

Чтобы черное жало кинжала,
Закаленного в адском дыму,
Руте в Вильнюсе не угрожало
И Миколе в зеленом Крыму.

Стоязычен прибой хороводов
На просторах моих площадей.
Начинается дружба народов —
Верно сказано — с дружбы людей.

От Кронштадта до Владивостока
И повсюду, где мир — не пустяк,
Реет в небе с большого флагштока
Единения пламенный стяг.

●

Кто говорит, что вас нет? Вы с нами.
С нашими снами.
С нашей мечтой над весенней водой,
Всегда молодой.

Кто говорит, что вас нет? Вы с нами.
Это — как знамя,
Верное вашим делам и словам.
Верное вам.

Новые люди идут по проспектам,
Вашим когда-то.
Новым рождаться великим проектам
Легко и крылато.

Но повторю я с восторженной грустью
Мудрость урока:
Волны любые движутся к устью
Волей истока.

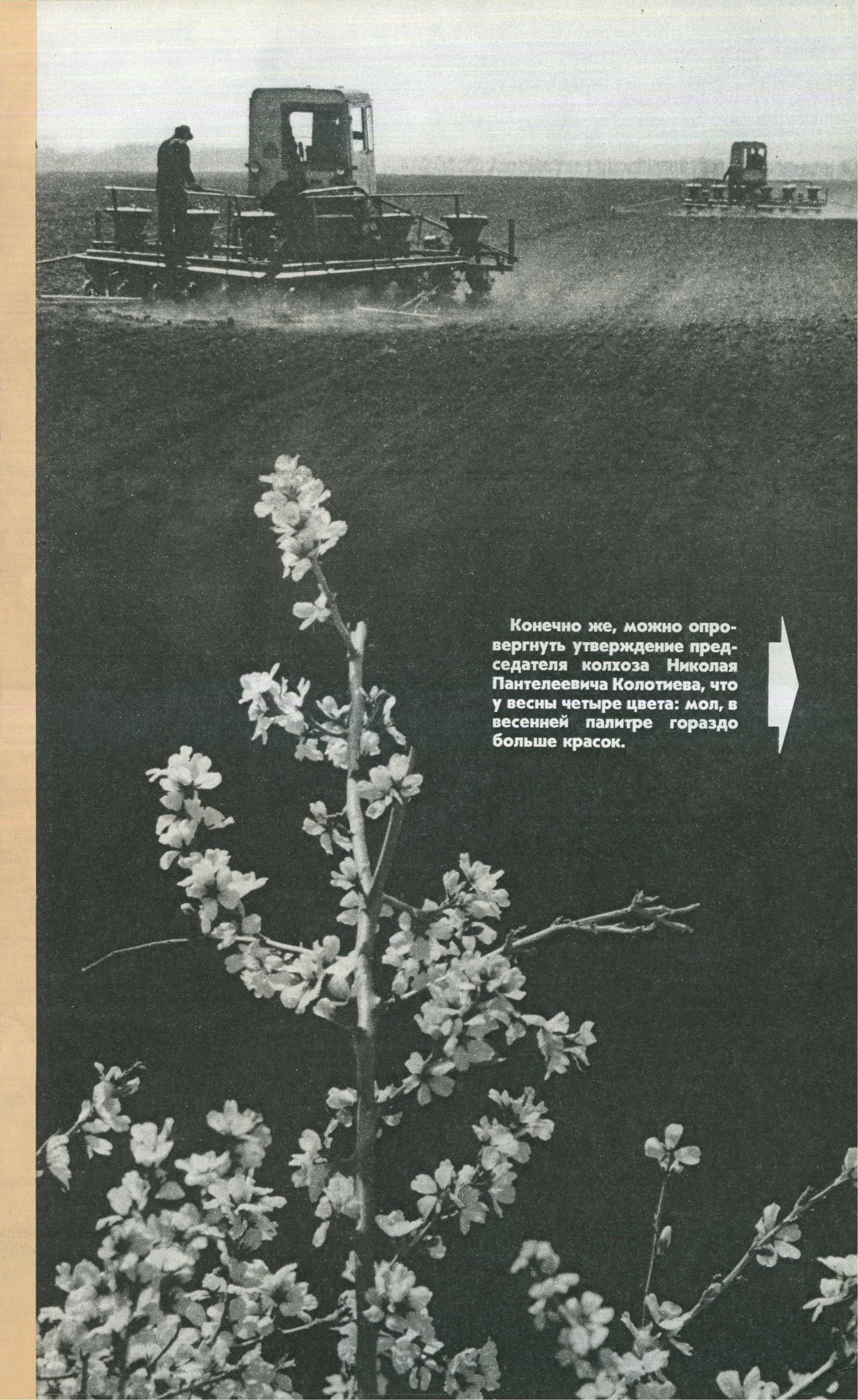
●

Будь, как сатана,
Проклята война,
Чтоб лила весна
Свет.
Лазерным лучам,
Атомным ночам,
Черным палачам —
Нет!

Дуб шумит в бору,
День — как на смотру.
Что прекрасней тру-
Да?

Лету и весне
Солнцу и луне,
И тебе и мне —
Да!

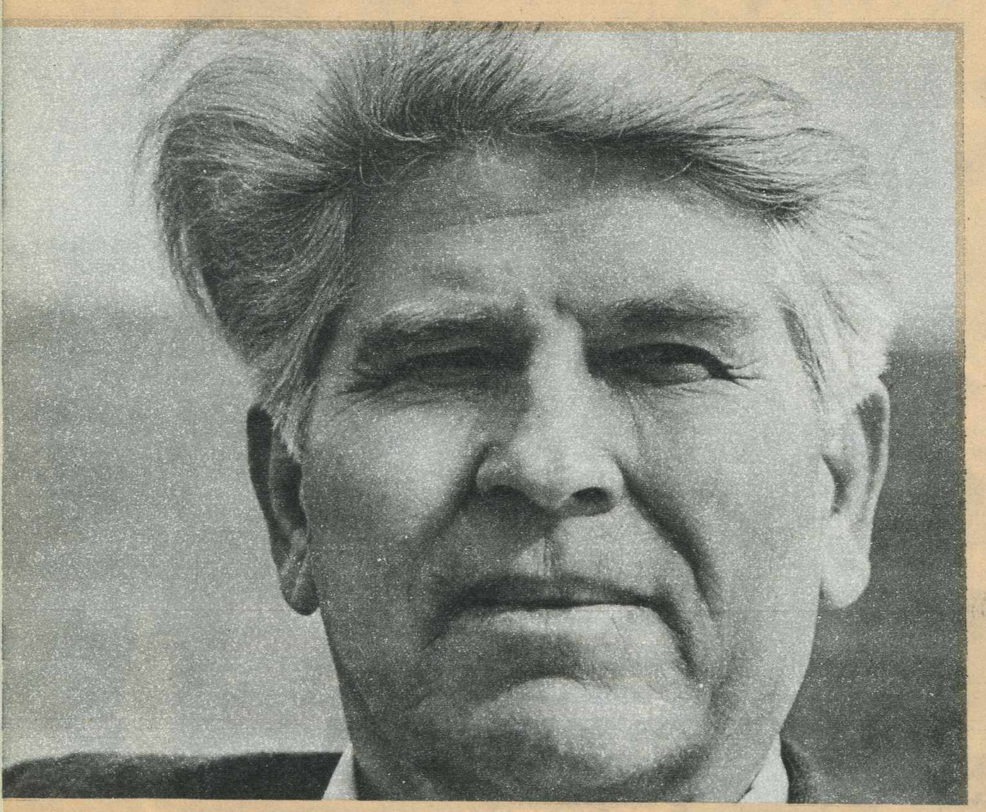
ВЕСЕННЯЯ ПАЛИТРА

Конечно же, можно опровергнуть утверждение председателя колхоза Николая Пантелеевича Колотиева, что у весны четыре цвета: мол, в весенней палитре гораздо больше красок.

Апрельский этюд.

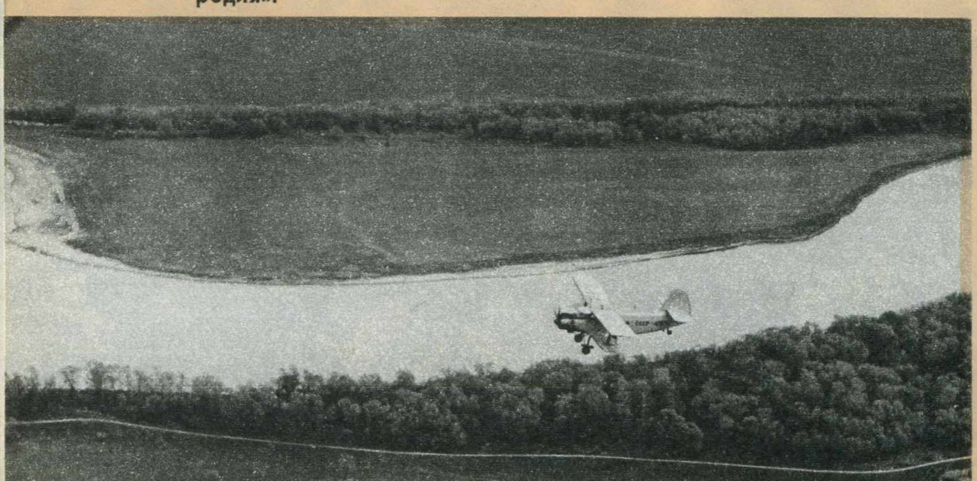

Председатель колхоза Н. П. Колотиев.

Сад в цвету...

И у авиаторов — горячая пора. Закончен очередной «рейс плодородия».

Но он убежден в своем: основных — четыре. Зеленый — здоровой озими и ранних всходов, воронова крыла — пашни за хуторской околицей, белокипенный с розовым — цветущих садов. И над всей этой благодатью, обнимая и сливая ее в единую песнь весны,— голубой — небесного купола. А перед самыми первомайскими праздниками добавится пятый — алый. Над сельским Советом и правлением колхоза — красные полотнища, а от них по обоим порядкам улиц затрепещут под вешним ветерком флажки поменьше — у каждого хуторского дома.

Красота!

Поутру, заехав в колхозную гостиницу за стажером председателя, молодым агрономом из соседнего района Анатолием Николаевичем Шкуро, Колотиев отправился в степь. Он привык всецело доверять специалистам, но не терпелось и самому увидеть, как подготовлены поля к севу кукурузы: его должны были начать с часу на час и закончить к Первомаю.

Дорога шла по центральной улице. Николай Пантелеевич привычно отмечал приметы раннего утра в своем Красносельском. Около добротных домов пожилые хуторянки-пенсионерки белили к празднику деревья, холили в палисадниках цветы, в парке, и без того ухоженном, наводили предпраздничный «глянец», у новых коттеджей на улице Пушкина поливали молодые деревца... Конюхи и наездники выводили тройки и скакунов — готовились к конноспортивному празднику.

Столько гармонии было в этом устоявшемся укладе, что Николай Пантелеевич сказал вслух свое любимое: добре! И бессменный шофер Иван Андреевич Мозговой, и стажер согласно кивнули: добре! Праздник после напряженного труда будет знатный.

А за околицей жила своей полнокровной жизнью вешняя степь. В разных ее пределах сияло многоцветье радуг над дождевалками — шестью своими и множеством — объединения «Полив». Дали туда заявки — и, пожалуйста, раньше всех в крае начали орошение люцерны. Чудо-культура!

— Запиши, Анатолий Николаевич,— обращается Колотиев к своему будущему коллеге,— в прошлом году при орошении за пять укосов мы взяли по 915 центнеров зеленой массы с гектара. 183 центнера кормовых единиц! Подсчитай, сколько белка...

— Невероятно! — доносится с заднего сиденья.— Ведь это равноценно четырем урожаям зерна — и каким! — по 50 центнеров с гектара.

— Верно. Вот почему наши подрядные бригады, а мы уже второй год работаем всем колхозом на коллективном подряде, столько внимания уделяют этой культуре. Удобрение и орошение — ни на йоту не отступаем ни от норм, ни от сроков. Сам видишь, как окупается такая забота.

Председатель попросил остановить машину около разлива озимой пшеницы. Никогда прежде, а встречает в поле агроном Колотиев свою 35-ю весну (пятнадцатую председателем!), в колхозе не было такой озими. Обошлись без подсева-пересева, вовремя подкормили, провели обработку против вредителей и болезней. Не пшеница — загляденье.

— На это поле в свое время трижды приезжал пшеничный батько, академик Лукьяненко. Здесь мы размножали его сорта. Брали тогда по 30—40 центнеров с гектара. Ныне по интенсивной технологии наметили взять не менее 50—55 центнеров сильной пшеницы.

Председатель чуткими пальцами осторожно разгреб верхний слой земли и с тайной надеждой на то, что прольется-таки долгожданный дождь (его здесь не было почти полтора месяца), сказал: миллиметров бы пятнадцать — двадцать осадков в эту пору... Но свои 50—55 центнеров с гектара наши подрядные бригады должны взять! В прошлом году собрали только по 35—40: подвела невиданная сушь.

Он с такой горечью, интонацией выделил слово «только», что я невольно вспомнил его, молоденького агронома, который тридцать с лишним лет назад при мне радовался своим первым стопудовым урожаям. А тут почти втрое больше — и это неподдельное «только»...

И снова пылит «Волга» от поля к полю. Доволен пред: отсеялись вовремя, все орошаемые массивы, а это треть пашни, вдоволь получили воду, каждый участок ухожен. Постарались подрядные бригады Ивана Комарова и Григория Акуленкова, да и остальные не подкачали. И животноводы с заданием справились.

Словно угадав его мысли, Анатолий Николаевич спросил:

— А знаете, Николай Пантелеевич, самые популярные слова ваших колхозников нынешней весной? Куда ни приедешь — в поле ли, на ферму,— часто слышишь: хозрасчет, подряд, интенсивные технологии.

Колотиев улыбнулся:

— Я сам это заметил. А ты выстроил из них четкую цепочку. Стараемся закрепить у людей боевой настрой. Жизнь требует. Весна требует.

...Они подъезжали к кукурузному полю. Последнему, которое нужно было засеять перед праздником. Над тракторами алели флажки.

А. ПАНЧЕНКО

Колхоз имени Кирова,
Динской район,
Краснодарский край.

На карусели в колхозном парке * Первый полив.
Фото Г. КОПОСОВА

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Марш мира.
Фото В. ФЕДОРЕНКО (АПН)

WOMEN

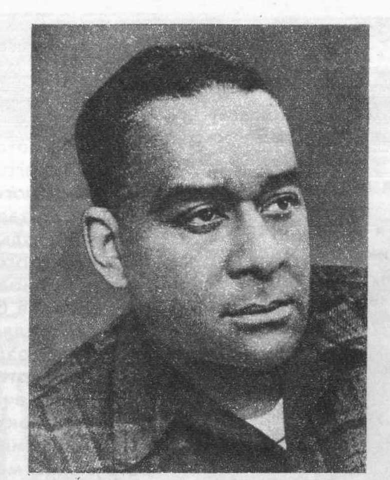
SMASCHEN
1982
ВА-МИНСК

Ричард РАЙТ

РАССКАЗ

Рисунок М. ПЕТРОВОЙ

Известный американский писатель Ричард Райт (1908—1960) родился в семье негра-издольщика. С ранних лет прошел тяжелую школу жизни: работал носильщиком, уборщиком, мыл посуду. Сборник рассказов «Дети дяди Тома» и роман «Сын Америки» принесли ему мировую известность. Последние пятнадцать лет прожил в Париже, покинув родину в знак протеста против расовой дискриминации.

Этика расизма

1

Мой первый урок расистской этики состоялся, когда я был совсем маленьким. Мы жили в Арканзасе. Наш дом стоял у железнодорожной ветки. Неуютный двор был завален черным углем. Казалось, что здесь никогда не росла трава. Только за железной дорогой виднелась зелень: там жили белые. Но тогда я не замечал недостатка зелени. К тому же большие куски угля — замечательное оружие для игры в войну. Надо было лишь набрать их и спрятаться за кирпичными колоннами домов. Мишенью была первая попавшаяся на глаза курчавая черная голова, высунувшаяся из-за соседней колонны. Ты изо всех сил старался попасть в нее. Это была настоящая забава.

Я и не подозревал, что уголь — вещь ненадежная, пока однажды ватага забияк, к которой принадлежал и я, не ввязалась в войну с мальчишками, жившими по ту сторону железной дороги. Как обычно, мы открыли огонь углем, рассчитывая таким способом сломить противника — белых мальчишек. Но в ответ они стали забрасывать нас битыми бутылками из-под молока. Мы усилили огонь — они попрятались за деревьями, за изгородями, за кочками на поросших травой лужайках. Не имея таких укреплений, мы отступили к нашим домам. Во время этого отступления одна бутылка попала мне в затылок. Вид крови, текущей по моему лицу, совершенно деморализовал наши ряды. Товарищи все бросили и разбежались по домам, а я в оцепенении стоял посреди двора. Добрый сосед увидел это и побежал со мной к доктору, который наложил на рану три шва.

Я сидел как истукан на крыльце своего дома, поддерживая одной рукой повязку, и ждал, когда вернется с работы мать. То, что произошло со мной, было страшной несправедливостью. Когда бросаешь уголь, твой противник получает в худшем случае синяк. Другое дело — битая бутылка: она ранит тебя, течет кровь, и ты становишься беспомощным.

Когда стемнело, возвратилась мать (она работала кухаркой у белых). Я побежал ей навстречу. Сердцем я чувствовал, что она поймет меня и объяснит, как быть в следующий раз. Схватив мать за руку, я тут же выложил все как было. Она осмотрела рану, а затем отшлепала меня.

— Почему ты не спрятался? — спрашивала она.— Зачем ты ввязался в драку?

Я был глубоко обижен. Рыдая, я рассказал, что у нас, черных мальчишек, не было ни деревьев, ни заборов, чтобы спрятаться за ними. Мать взяла палку, затащила меня домой, раздела и избила так, что после этого я схватил лихорадку в тридцать восемь и восемь. Она била по горевшей огнем спине, вколачивая в меня перлы этики для черных. Не будешь больше играть в войну. Никогда ни под каким видом не будешь тягаться с белыми. Очень хорошо они сделали, что треснули меня битой бутылкой. Разве я не знаю, что мать изо дня в день надрывается в душной кухне, чтобы прокормить меня на заработанные у белых жалкие гроши? Когда же наконец я стану послушным мальчиком? Когда я перестану досаждать ей своими драками? Напоследок она сказала, что я должен всю жизнь благодарить бога, что остался в живых.

В ту ночь я бредил и никак не мог уснуть. Каждый раз, как только я закрывал глаза, мне мерещились чудовищные белые рожи, злобно пялившие на меня дикие глаза.

С тех пор все очарование нашего заваленного углем двора пропало. Зеленые деревья, аккуратные изгороди, подстриженные лужайки приобрели новый смысл, стали символом. Даже сейчас, когда я думаю о белых людях, где-то в моем подсознании возникают четкие, резкие очертания белых домов, окруженных деревьями, лужайками и изгородями.

С годами это все превратилось во всеобъемлющий символ — символ страха.

Прошло немало времени, прежде чем мне пришлось снова столкнуться с белыми. Наша семья переехала из Арканзаса в Миссисипи. Здесь нам больше повезло: мы поселились вдалеке и от железной дороги, и от белых кварталов, в самом сердце негритянского района. Тут были негритянские церкви и негры-проповедники, негритянские школы и негры-учителя, негритянские бакалейные лавки и негры-продавцы. Все было таким чисто негритянским, что я долгое время даже не вспоминал о белых, разве что очень смутно и неопределенно.

Такое состояние не могло длиться вечно. Чем больше взрослеешь, тем больше ешь. Твоя одежда становится дороже. По окончании начальной школы я должен был идти работать. Мать уже не могла кормить и одевать меня на свой скудный заработок кухарки.

Есть только одно место, где черный мальчик, не знающий никакого ремесла, может найти работу. Это место находится там, где дома и лица белые, где деревья, лужайки и изгороди зеленые. Впервые я поступил на работу в городе Джексон, штат Миссисипи, на завод оптического оборудования. В то утро я подал прошение о приеме на работу и, аккуратно одетый, стоял по стойке «смирно» перед хозяином, отвечая на все его вопросы краткими «да, сэр» или «нет, сэр». Я очень старался отчетливо произносить «сэр», чтобы хозяин видел: я воспитан, я понимаю, где нахожусь, и знаю, что он белый. Мне очень нужна была работа.

Хозяин оглядел меня с головы до ног так, будто перед ним был породистый пес. Затем босс стал подробно расспрашивать о моем образовании и особенно интересовался, долго ли я изучал математику. Казалось, он очень обрадовался, узнав, что я прошел двухгодичный курс алгебры.

— Парень, как ты смотришь на то, чтобы поучиться чему-нибудь у нас?

— Я очень хочу этого, сэр,— обрадовался я. Мне уже грезилась моя будущая карьера. Даже у негров есть такие мечты.

— Ладно,— сказал он,— пошли.

Я последовал за ним на фабрику.

— Пиз! — обратился хозяин к белому мужчине лет тридцати пяти.— Это Ричард. Он будет работать у нас.

Пиз взглянул на меня и кивнул головой.

Затем меня привели к парню лет семнадцати.

— Морри, это Ричард, он будет работать у нас.

— Ну как тебе здесь? — прорычал Морри.

— Мне нравится!

Хозяин наказал этим двоим учить меня, помогать мне, давать работу и позволять самому учиться ремеслу в свободное время.

Зарплата была пять долларов в неделю.

Я работал усердно, хотел угодить. Первый месяц прошел гладко. Казалось, и Пиз, и Морри были довольны мной. Не хватало лишь одного, и мои мысли все время вертелись вокруг этого: я ничему не учился, и никто не собирался мне помогать. Я думал, они забыли о том, что мне нужно изучить ремесло, и однажды попросил Морри рассказать о технологии шлифования линз. Он побагровел:

— Ты что, черномазый, хочешь стать ученым?

— Нет, я не хочу стать ученым.

— Ну так знай свое место!

Я растерялся. В голове промелькнула мысль: «Может, он просто не хочет помогать мне?» Я пошел к Пизу.

— Совсем спятил, черный ублюдок? — Его глаза вдруг стали жестокими.

Я напомнил Пизу слова хозяина о том, что мне нужно научиться чему-нибудь.

— Черномазый, ты, видно, считаешь себя белым?

— Нет, сэр.

— Ты ведешь себя как белый.

— Но, мистер Пиз, хозяин сказал...

Пиз потряс кулаком у меня перед носом:

— Это работа для белых, заруби себе на носу!

С этого времени отношение ко мне переменилось. Они больше не здоровались со мной. Если я выполнял свою работу чуть медленнее обычного, меня называли «ленивой черной скотиной».

Я хотел было рассказать обо всем боссу. Но одна мысль о том, что со мной будет, если Пиз и Морри узнают о жалобе, остановила меня. В конце концов хозяин — тоже белый. Что толку в жалобе?

Воскресный пробег. Фото А. БОЧИНИНА

Развязка не заставила себя ждать. Пиз позвал меня к своему верстаку. Чтобы добраться туда, я должен был пройти между двумя скамьями и стать спиной к стене.

— Да, сэр,— пробормотал я.

Появился Морри. Он закрыл узкий проход между скамьями, скрестил руки на груди и мрачным взглядом впился в меня.

Я смотрел то на одного, то на другого и чувствовал: что-то должно произойти.

— Да, сэр,— проговорил я во второй раз.

Пиз поднял голову и с расстановкой сказал:

— Ричард, мистер Морри сообщил мне, что ты назвал меня Пиз.

Я напрягся. Казалось, что-то оборвалось внутри. Они больше не скрывали свое истинное лицо.

Пиз хотел сказать, что я не назвал его мистер Пиз. Я взглянул на Морри. Он сжимал в руках стальной лом. Я хотел было заговорить, заверить Пиза, что никогда не называл его просто Пиз и даже не собирался так назвать, но Морри схватил меня за ворот и трахнул о стену так, что сильно ушиб мне голову.

— Ну смотри, негритос, не ошибись! — прорычал он, оскалив зубы.— Я слышал, как ты назвал его Пиз! Если ты скажешь, что это неправда, значит, по-твоему, я лгу, понял?

Морри угрожающе замахнулся ломом.

Если бы я сказал: «Нет, сэр, я никогда не называл вас просто Пиз,— тем самым я объявлял Морри лжецом, а если бы сказал: «Да, сэр, я назвал вас Пиз»,— то был бы сам обвинен в тягчайшем оскорблении, которое может нанести негр белому южанину. Я стоял в нерешительности, стараясь придумать нейтральный ответ.

— Ричард, я задал тебе вопрос! — еле сдерживая злобу, прошипел Пиз.

— Не помню, чтобы я назвал вас Пиз, мистер Пиз,— осторожно сказал я.— Даже если я сделал это, то не имел в виду ничего...

— Ах ты, черная скотина! Значит, ты назвал меня Пиз!

Он стал бить меня. От боли я согнулся над скамьей. Тут ему на помощь поспешил Морри.

— Ты не назвал его Пиз? Если скажешь «нет», я выпущу ломом твои поганые кишки, чернорожий хитрюга! Ты назвал белого лжецом и хочешь, чтобы это сошло тебе с рук?

Я сдался. Я просил их оставить меня в покое. Мне было известно, чего они хотят. Им нужно было избавиться от меня.

— Я уйду,— пообещал я.— Уйду сейчас же.

Мне дали одну минуту, чтобы убраться с завода, и предупредили—больше не показываться и не говорить ни о чем хозяину.

Я ушел.

Когда я рассказал дома своим, что случилось, меня назвали дураком и сказали, что «нельзя переходить границы». Когда работаешь с белыми и не хочешь потерять работу, нужно знать свое место.

2

На другой работе мое знакомство с расизмом продолжилось. Я нанялся портье в салон одежды. Однажды утром, когда я чистил медную вывеску, хозяин со своим двадцатилетним сыном выскочили из машины и, пиная ногами женщину-негритянку, затащили ее в магазин. Полицейский, стоявший на углу, наблюдал эту сцену и лениво вертел в руках дубинку. Я смотрел краешком глаза, ни на секунду не переставая тереть вывеску. Через некоторое время откуда-то из глубины магазина послышались женские крики. Потом вся в крови, держась за живот, плача и спотыкаясь, вышла та негритянка. Когда она дошла до угла, полицейский схватил ее и заявил, что она пьяна. Я молча смотрел, как он втолкнул несчастную женщину в патрульную машину.

Войдя в магазин, я увидел, как хозяин с сыном моют руки под краном. Они посмеивались. Пол был залит кровью, усыпан клочьями волос и обрывками одежды. Наверное, я был здорово напуган, потому что хозяин похлопал меня по плечу, словно подбадривая.

— Парень, так мы поступаем с черномазыми, если они не хотят оплачивать счета,— осклабился он.

Его сын посмотрел на меня и ухмыльнулся.

— На, возьми сигаретку.

Не соображая, что делаю, я взял сигарету. Он закурил сам, потом дал прикурить мне. Это был добрый жест, означавший, что даже если они избили несчастную женщину, то не станут бить меня при условии, что я буду благоразумно держать язык за зубами.

— Да, сэр,— пробормотал я и не стал задавать вопросов.

Они ушли. Я сел на ящик, уставился на залитый кровью пол, все смотрел и смотрел, пока не погасла сигарета.

В тот день я обедал с другими неграми-портье. Я рассказал им о случившемся. Никто, однако, не был удивлен. Один парень, проглотив добрый кусок бутерброда, обернулся ко мне и спросил:

— И это все, что они с ней сделали?

— Да. Разве этого мало?

— Еще бы! Она дешево отделалась,— ответил парень, глубоко вонзая зубы в щедро смазанный маслом бутерброд.

3

Уроки жизни я усваивал быстро, но нетвердо. Как-то мне пришлось развозить в пригородной зоне пакеты с покупками. Случайно я проколол шину своего велосипеда. День был жаркий. Вынужденный идти пешком по пыльной дороге, я тащил за собой велосипед.

Какой-то автомобиль притормозил рядом со мной.

— Что случилось, парень? — спросил белый мужчина.

Я ответил, что сломал велосипед и возвращаюсь в город.

— Плохи дела,— посочувствовал мужчина,— прыгай на подножку.

Он остановил машину. Я крепко уцепился одной рукой за дверцу автомобиля, а другой — за велосипед.

— Порядок?

— Да, сэр.

Машина тронулась. В ней сидели молодые белые мужчины. Они пили, фляга переходила из рук в руки.

— Хочешь глотнуть? — спросил кто-то из них.

Ветер хлестал мне в лицо. Я улыбнулся и, инстинктивно подчиняясь только что заученным заповедям моей матери, ответил:

— О нет!

Не успел я произнести это, как что-то тяжелое и холодное ударило меня в переносицу. Это была пустая бутылка из-под виски. Искры поплыли у меня перед глазами, я кубарем слетел с идущей полным ходом машины на пыльную дорогу и запутался ногами в велосипедных спицах. Белые вышли из машины и столпились вокруг меня.

— Черномазый, разве ты не знаешь, как себя вести? — спросил тот, который ударил меня бутылкой.— Разве ты не знаешь, что белому нужно говорить «сэр»?

Оглушенный, я с трудом поднялся на ноги; мои голени и локти были разбиты в кровь. Белый подошел ко мне, сжав кулаки, и отшвырнул ногой велосипед.

— Ладно, оставь в покое этого ублюдка. Он получил свое,— сказал кто-то.

Они стояли и смотрели на меня. Я тер ладонью голени, стараясь остановить кровь. Наверное, они испытывали ко мне чувство, похожее на жалость, смешанную с презрением.

Один из них спросил:

— Ну что, набрался ума-разума? Теперь можешь ехать, черномазый?

— Пойду пешком,— отрезал я.

Может, это звучало смешно. Они засмеялись.

— Ну катись, черный ублюдок!

Напоследок они меня утешили:

— Радуйся, черномазый, что имел дело с нами. Тебе здорово повезло. Наткнись ты на кого-нибудь другого, тебя живо отправили бы к праотцам.

4

Негры, которые жили на Юге, знают, что ждет черного, разгуливающего в одиночку по улицам белого квартала после захода солнца. В такой, казалось бы, обыденной ситуации как в капле воды отразилась вся горечь жизни американского негра. Если бы белому пришлось добираться домой через эти кварталы, он добрался бы благополучно. Но черный цвет кожи позволяет легко распознать негра, делает его подозрительным, превращает в беззащитную жертву.

Поздно вечером в субботу мне нужно было развезти покупки в белом районе. Изо всех сил я крутил педали велосипеда, как вдруг патрульная машина, резко свернув в мою сторону, прижала меня к тротуару.

— Стой! Руки вверх! — приказал один из полицейских.

Я подчинился. Они вышли из машины с пистолетами наготове и стали медленно приближаться. Лица их застыли.

— Не двигаться!

Я поднял руки выше. Полицейские обшарили мои карманы и пакеты. Они не нашли ничего подозрительного, и это явно разочаровало их.

— Парень, скажи своему хозяину, чтобы он больше не посылал тебя ночью в белые кварталы.

Как всегда, я ответил:

— Да, сэр.

5

После этого мне пришлось работать посыльным в гостинице. Когда у коридорных было много работы, я часто помогал им. Поскольку некоторые комнаты в гостинице занимали проститутки, меня часто звали отнести им виски или сигареты. Большую часть времени они были обнаженными и нисколько не стеснялись своей наготы даже перед коридорными. Считалось, что их наготу нужно воспринимать как нечто само собой разумеющееся, будто это поражает тебя не больше голубой вазы на столе или красного ковра на полу. Твое присутствие не будило в них ни капли стыда, потому что тебя не считали человеком...

6

Один из коридорных в этой гостинице долго водил компанию с какой-то черной служанкой. Как гром с ясного неба, полиция нагрянула к нему в дом и арестовала его, обвинив в незаконном сожительстве. Бедняга клялся, что не имел интимных отношений с девушкой. Несмотря на это, они вынудили его жениться на ней. Когда родился ребенок, обнаружилось, что цвет его кожи намного светлее, чем у любого из предполагаемых родителей. Белые служащие в гостинице только и делали, что отпускали шуточки по этому поводу. Они распустили слух, будто какой-то белый прохвост запугал бедную девушку, когда она забеременела. Если об этом говорили в твоем присутствии, нужно было непременно смеяться.

7

Другого коридорного застали в постели с белой проституткой. Его оскопили и изгнали из города. Сразу же после этого всех коридорных и посыльных собрали вместе и дали понять, что оскопленный парень «дешево отделался». Нас предупредили, что руководство гостиницы снимает с себя ответственность за жизнь «черномазых смутьянов». Мы молчали.

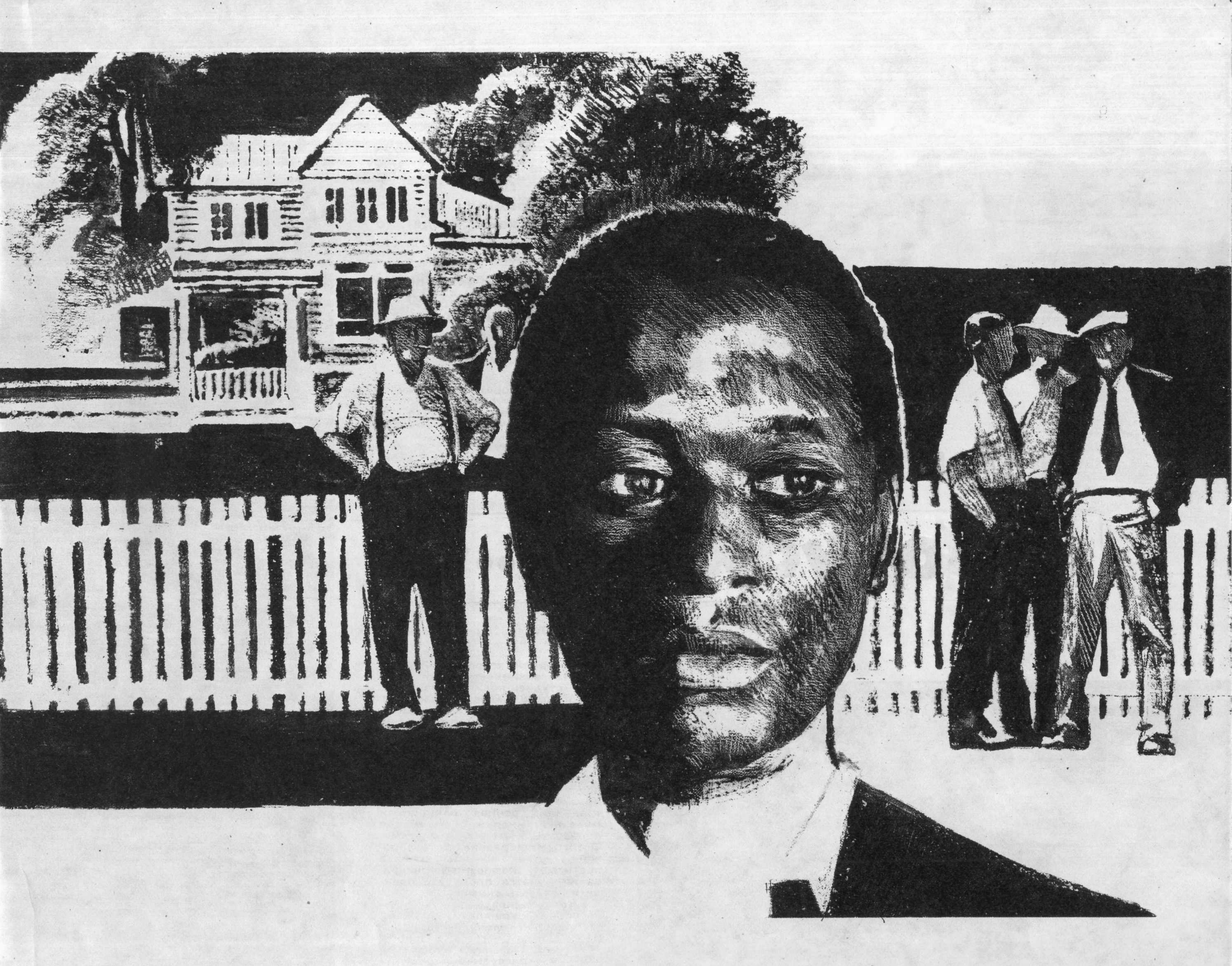
8

Однажды вечером, собираясь домой, я встретил черную горничную. Она жила недалеко от меня, и мы пошли домой вместе. Белый сторож, когда мы проходили мимо, похлопал девушку по ягодицам. Удивленный, я обернулся. Сторож долго смотрел на меня злобным взглядом. Вдруг он вытащил револьвер и спросил:

— Тебе что-то не нравится, черномазый?

Я не знал, что делать.

— Я спрашиваю: тебе что-то не нравится? — повторил он и подошел ко мне.

— Нет, сэр,— пробормотал я.
— Не слышу!
— О нет, сэр,— я постарался сказать как можно естественнее. На улице я зашагал впереди девушки, стыдясь посмотреть ей в глаза. Она догнала меня и сказала:
— Не глупи! Ты же ничего не мог сделать!
Этот сторож хвастал тем, что убил двоих негров в порядке самозащиты.

И все же, несмотря ни на что, жизнь гостиницы текла поразительно спокойно. Приезжий человек ни о чем не догадался бы. Горничные, коридорные, посыльные всегда улыбались. Они должны были улыбаться.

9

Я так основательно заучил уроки этики для негров, что смог продержаться на работе в гостинице до тех пор, пока не переехал из Джексона в Мемфис. Так вышло, что в Мемфисе я подал прошение о приеме на работу в филиал компании, выпускавшей оптическую технику, и был принят. Не знаю почему, но, пока я работал там, никто не попрекал меня моим происхождением.

Я увидел там расизм в другой его форме. Жестокость этого расизма уже не была по-животному неприкрытой, но тщательно замаскированной. Здесь я научился лгать, прятаться, притворяться. Я научился играть ту двойную роль, которую должен знать каждый негр, если хочет выжить.

К примеру, почти невозможно было достать нужную книгу. Считалось, что, если негр усвоил скудные знания по программе общественной школы, ему незачем больше читать. Я всегда одалживал книги у тех, с кем работал. Однажды я набрался смелости попросить одного из них позволить мне брать книги в библиотеке на его имя. К моему удивлению, он дал согласие. Скорее всего, этот человек согласился, потому что был католиком и относился к неграм с некоторой симпатией, ибо сам знал, что такое ненависть. Вооружившись библиотечной карточкой, я получал книги следующим образом. Я писал библиотекарю записку, гласившую: «Позвольте, пожалуйста, этому черномазому парню получить перечисленные ниже книги»,— а в конце ставил имя того католика.

Придя в библиотеку, я снимал шляпу, подходил к столу и старался напустить на себя как можно более глупый вид. Получив книги, я брал их домой. Если книг, указанных в списке, не было, я пробирался в вестибюль, чтобы изготовить новую записку. Я не подавал виду, что догадываюсь, какие книги нужны мнимому белому читателю. Без сомнения, если бы кто-нибудь из белых клиентов заподозрил, что книги, предназначенные для них, попадают в руки черного, они не потерпели бы этого ни за что на свете.

Много раз мне приходилось призывать на помощь собственную смекалку, чтобы избежать неприятностей. На Юге принято, чтобы все мужчины, входя в лифт, снимали шляпы. Этому правилу нам, неграм, нужно подчиняться особенно строго. Как-то я вошел в лифт, таща в руках целую гору пакетов, и был вынужден ехать в шляпе. Двое белых холодно оглядели меня. Потом один очень вежливо снял мою шляпу и положил на пакеты. В наше время в такой ситуации самый обычный для негра ответ — взглянуть на белого и ухмыльнуться. Сказать «спасибо» — значит дать понять белому, будто вы считаете, что он оказал вам услугу. Я сам видел, как за это «спасибо» негры получали удар в зубы. Так как первое было мне неприятно, а второе чревато последствиями, меня осенило выбрать способ действий, который был бы чем-то средним между этими двумя. Как только белый снял мою шляпу, я сделал вид, будто мои пакеты вот-вот рассыплются и я изо всех сил стараюсь удержать их в руках. Так мне не пришлось благодарить его за услугу и, несмотря на неблагоприятные обстоятельства, удалось сберечь толику собственного достоинства.

Что негры думают о своей жизни? Что говорят об этом между собой? Мне кажется, на этот вопрос можно ответить очень кратко. Мой друг, работавший лифтером, как-то сказал мне:
— Дружище, если бы у расистов не было полиции, ничто не спасло бы их от расплаты!

Перевел с английского
А. ЛИНК.

Сначала Юля с Любой сами не знали, что у них выйдет. Голова круглая, глаза огромные. То крылышки к ней приладят, то уши. Вроде похоже на сову... Вдруг смеха ради приставили сове длинный хвост да еще с бантиком. Он-то все и переменил. Получился «Ночной кот».

И ПОЛУЧИЛСЯ «НОЧНОЙ КОТ...»

В фотолаборатории мальчику или девочке, впервые переступившим порог фотоклуба или студии, педагог обычно предлагает:

— Клади-ка руку на фотобумагу под увеличителем, включай его, давай выдержку секунд 6—7... Теперь проявляй, и посмотрим, что у тебя получилось.

На черной, засвеченной фотобумаге возникает белая рука. Так студиец-новичок узнает о фотограмме — «световом изображении», фотографии без аппарата и пленки, с которой началось более двух столетий назад это искусство.

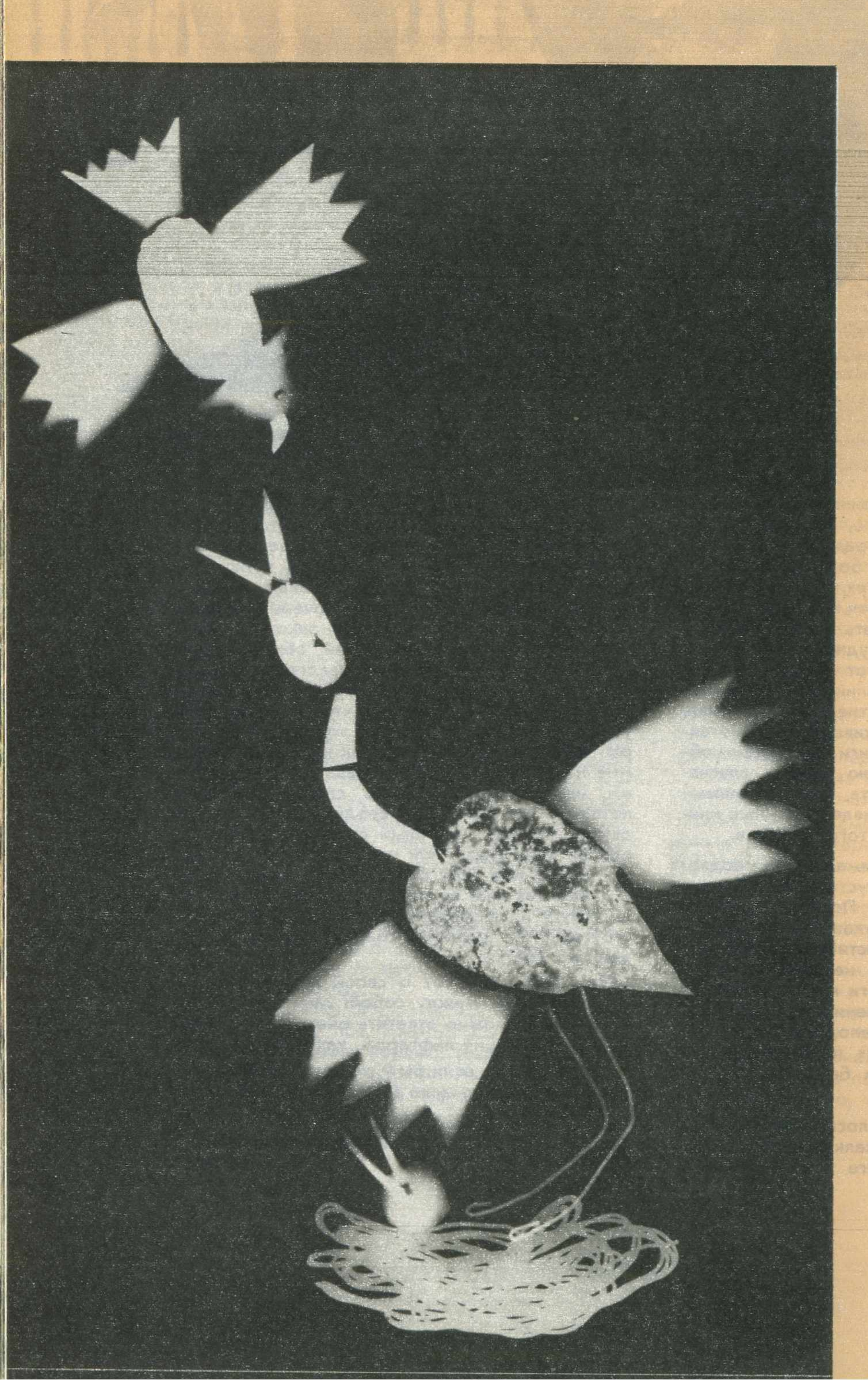
Первый «фокус» — с собственной рукой. А потом оказалось, что тут может сгодиться все: листок с дерева и кусок проволоки, пуговица и сухие травинки, речная ракушка и железная кнопка. Все можно пробовать, менять местами. Фотограммы развивают воображение, с их помощью ребята постигают композицию кадра, на них учатся проявлять пленки и печатать снимки.

...Кота выкладывали из канцелярских скрепок, изображали с помощью елочной мишуры. Не хватало чего-то главного. «Я знаю, почему нельзя из скрепок,— рассудила одна из девочек.— Скрепки железные, холодные, а кошки такие мягкие, пушистые...» «И мишура не годится,— подхватила другая.— Она выглядит жесткой, как щетина, не кот получается, а какой-то лев...» Самым удачным оказался кот из листьев — именно их прожилки и переливы показывают на фотограмме, какая мягкая, теплая и серебристая шкурка у кота.

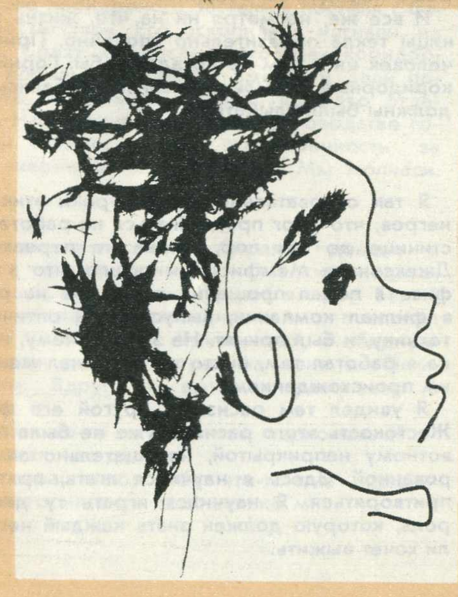
...Не терпится новичкам: скорей бы научиться фотографировать. Наступит желанная пора, и забудут они о фотограмме. А пока колдуют студийцы в «черной» комнате-лаборатории, самозабвенно компонуют в кадре листья и ракушки, шурупчики и спички. Нехитрая вещь — спички, а поди-ка заставь собачонку на этих спичках-ножках весело семенить, а девочку — едва успевать за ней. Или передать, как ловка и прыгуча девочка со скакалкой и как неуклюж при всей своей неутомимости робот.

Остается лишь сообщить, что авторам этих работ от 10 до 14 лет, только Герману Белову, бывшему студийцу,— 19. И он когда-то торопил события: «Скорей бы!» А теперь, уже чему-то научившись всерьез (Герман — студент операторского факультета ВГИКа), нет-нет да и вспомнит детство, потянутся руки к тем самым веточкам, черепкам, проволочкам. Но другими стали руки и глаза, иные появляются образы.

Г. КРАСОВСКАЯ

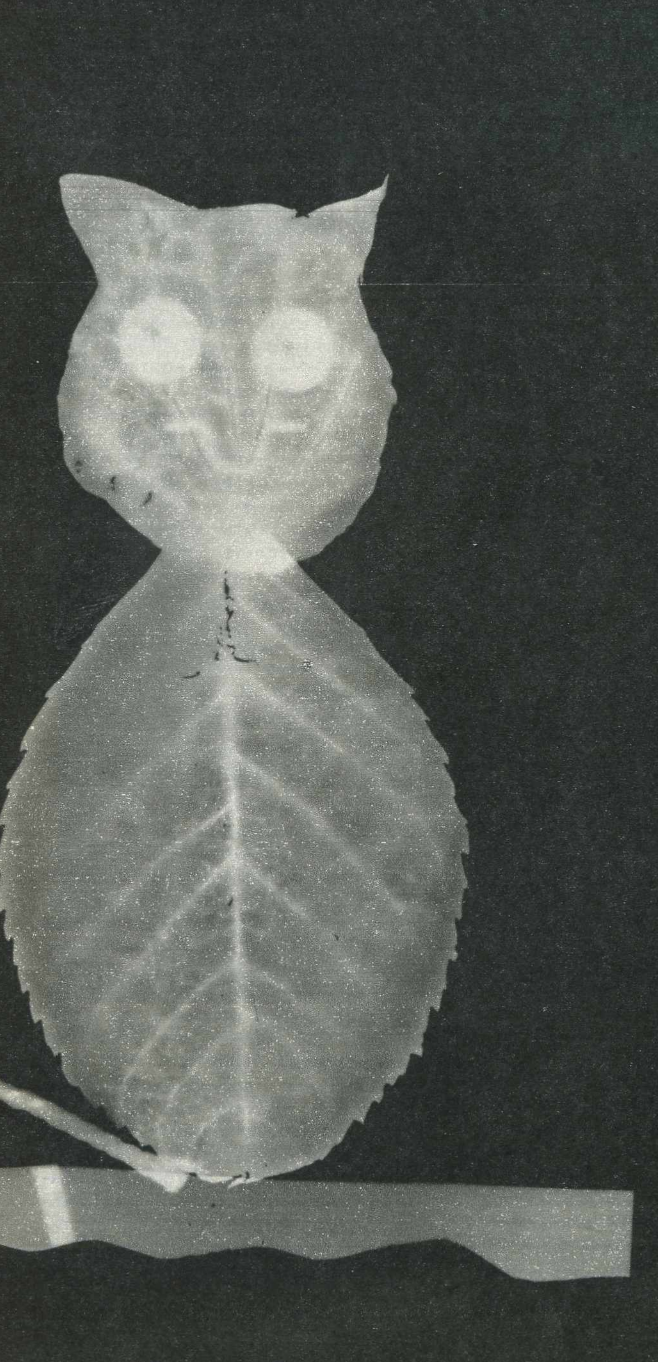

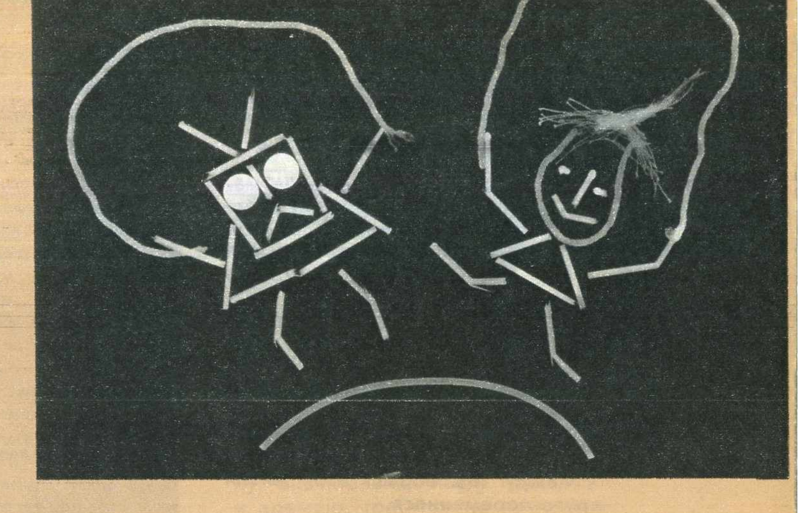

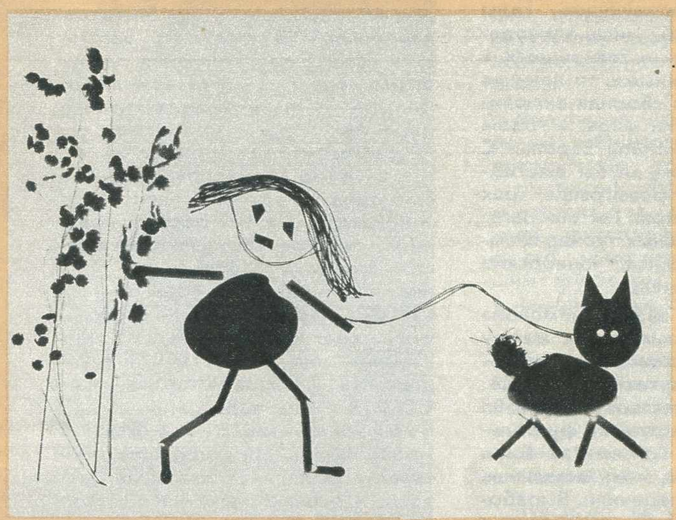
Напечатаны работы:

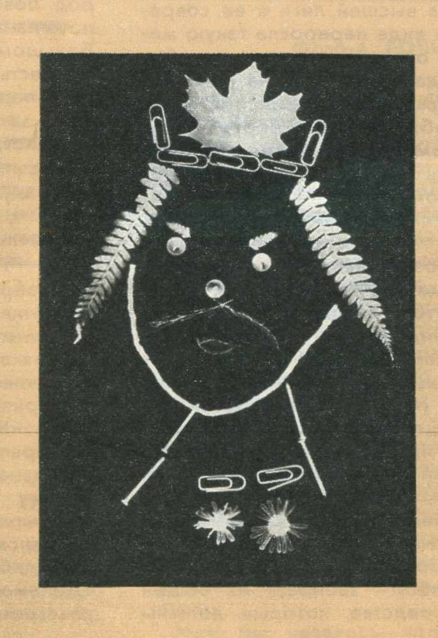
Ю. Чугаевой, Л. Кувшиновой, Д. Балаболина, Т. Борисовой, Л. Черновой, И. Балакирева, И. Бушмина, Д. Бабинова, Я. Бунзя и Г. Белова.

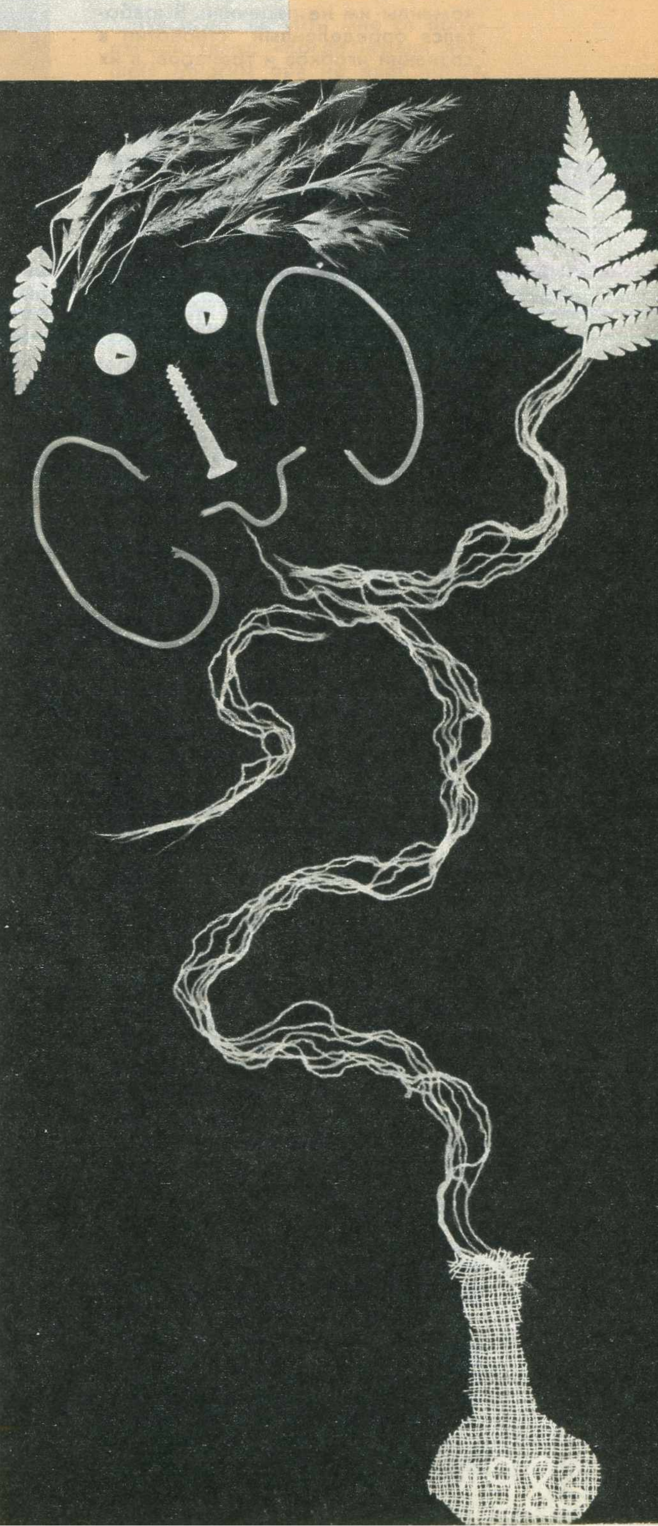

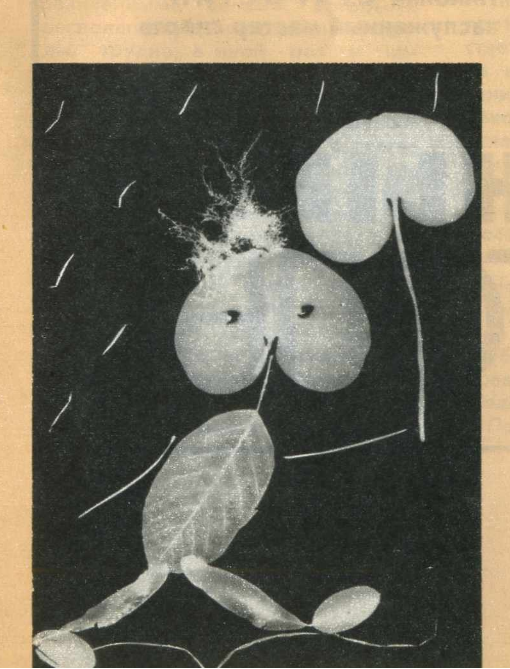
Эти фотограммы выполнили ребята из фотокиностудии «Зоркий» подмосковного города Красногорска.

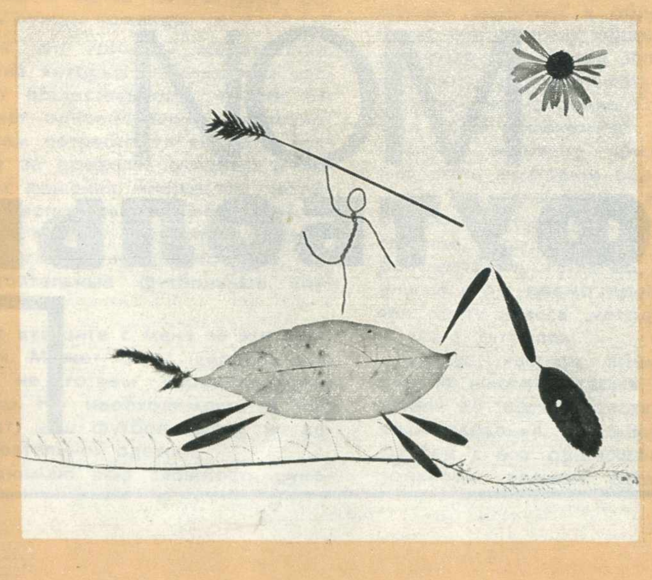

V. КОМАНДА ИЛИ КЛУБ !

работе в команде мастеров я вернулся после перерыва, в 1954 году. Я уже называл эту дату, а повторяю для того, чтобы сказать, что за прошедшее время, за тридцать с лишним лет, никаких существенных изменений в структуре нашего футбола не произошло.

Между тем образ его жизни круто переменился.

Если в предшествующие годы советские команды лишь эпизодически встречались в товарищеских матчах с зарубежными, то начиная с 1958 года наша сборная включилась в чемпионаты мира, а годом позже — в чемпионаты Европы. С 1965 года ведущие клубы ежегодно участвуют в розыгрыше трех европейских кубков. Так же регулярно в официальных турнирах выступают молодежные, юниорские и юношеские команды.

До 1960 года звание чемпиона страны у нас разыгрывали между собой три московских клуба — «Динамо», «Спартак» и ЦДКА. Особняком существовал футбол столичный, его окружала футбольная периферия. Три «кита» были собой довольны, а остальные команды им не перечили. Выработался определенный стереотип в сознании игроков и тренеров, в их соревновательной практике.

С той поры, как известно, чемпионами перебывали в разные годы еще восемь команд, расстановка сил преобразилась, исчезло понятие футбольной периферии.

Все это, вместе взятое, потребовало иного уклада жизни. Выросли тренировочные нагрузки, чуть ли не вдвое больше стало матчей, увеличились разъезды. Да и само развитие футбольной игры потребовало дополнительных затрат энергии. Наконец, поднялось в цене значение каждой победы, особенно на международной арене, престижность футбола скакнула резко вверх, а это означает, что и нервная энергия расходуется гораздо интенсивнее.

Несмотря на эти перемены, живем мы по старым, а лучше сказать, по старинным установлениям. Справедливости ради отмечу, что наладилась учеба футболистов, все они имеют возможность получить высшее образование, преимущественно физкультурное. Это, конечно, большое дело. Но одно оно всех проблем решить не может.

Предпринимались попытки юридически упорядочить нашу жизнь. Задумали ввести договора между обществами и футболистами сроком на три года. Но из этой затеи ничего не вышло, потому что обязательства сторон ничем фактически не подкреплялись.

Потом возникла идея создания самостоятельных, чисто футбольных клубов. Идея эта обсуждалась в печати, собрала много сторонников. Я принял деятельное участие в ее конкретной разработке, потратив на это два года. Предложения были заслушаны на коллегии Спорткомитета, их не отвергли, но и не утвердили, и они повисли в воздухе.

В ведении городского совета общества «Спартак» сорок (!) видов спорта. В том числе футбол. Не имею права пожаловаться на невнимание, наоборот, нашим делам — «зеленая улица». Однако...

Две иллюстрации. Первая. В долгом перерыве между календарными матчами нам понадобилась контрольная игра. Договорились о поездке в Орехово-Зуево. Перед этой игрой команде полагалось день провести на тренировочной базе в Тарасовке. И вот чем пришлось заниматься. Получить разрешение МОСПС на товарищескую игру. Написать заявление на имя председателя совета, приложив к нему список футболистов, намеченных в поездку. Заготовить проект постановления президиума совета в 6 экземплярах. Следом — письмо-распоряжение директору тарасовской базы, смету расходов, письмо-заказ на автобус. А по сути дела, нужен-то был один телефонный звонок.

Вторая. Мы хотим заявить нового игрока. Так вот, заявку мы обязаны подать в спорткомитет Москвы, в спорткомитет РСФСР, в совет ДСО профсоюзов, в российский совет «Спартака», в Центральный совет «Спартака» и в управление футбола Спорткомитета СССР. В шесть адресов!

Мы захлебываемся в бумажном море, входящие и исходящие, оригиналы и копии в столы не влезают. А сколько на все это уходит времени, которое могло быть использовано для работы с командой!

Глубоко уверен, что футбольная команда высшей лиги в ее современном виде переросла такую мелочную опеку. Если когда-то и была нужда водить нас на помочах, то теперь расширившийся круг задач и обязанностей требует большей самостоятельности. Ограниченность инициативы становится тормозом.

Итак, вместо команды при спортивном обществе — футбольный клуб. Возглавляет его правление, состоящее из авторитетных, знающих футбол людей, общественников, председатель почетный, заместитель штатный. Клуб арендует у общества стадион и базу, оставаясь под контролем президиума общества. Жизнеспособность клуба проверяется количеством зрителей на матчах, по сути дела, классом игры, а значит, и работой правления клуба. Это существенно, ибо сейчас часто приходится слышать нарекания по поводу того, что футбол забирает из общей кассы средства, которые должны были бы пойти на нужды других видов спорта.

Конечно, правлению клуба пришлось бы поломать голову над пропагандой футбола, над расширением зрительской аудитории. Думаю, оно не допустило бы того, что приключилось в нашем матче с «Черноморцем». Представьте, ко мне явился болельщик и выложил на стол три разных билета на этот матч: в Лужники, на стадионы «Локомотива» и «Торпедо»,— сказав, что он всюду провел по часу в очередях. Я мог ему лишь посочувствовать, игру в самом деле переносили со стадиона на стадион. Так полных трибун не соберешь.

Поинтересовался я перед одним матчем, осенью, у директора стадиона, как идет продажа билетов. И вдруг слышу в ответ: «Не знаю». Я удивился. А директор говорит: «Что вы удивляетесь, мы план уже выполнили». У меня нет сомнений в том, что план был заниженный. Правление клуба с этим не примирилось бы. Оно бы действовало в соответствии с общей линией на доходность, бережливость и экономию.

В рекламе футбола мы непредприимчивы. Лишь изредка в газетах и телевизионном «Футбольном обозрении» упомянут о значении предстоящего матча, главным образом с участием сборной. А следовало бы регулярно прикидывать шансы сторон, давать прогнозы, как стала практиковать газета «Известия». Утверждать: «Побеждайте подряд, и народ повалит» — удобно, но такое пожелание не свидетельствует о большом знании футбола. У англичан есть поговорка: «Плохая игра — перед хорошей». Я ей доверяю, за ней стоит вековая практика. Иногда и мы, жизнь посвятившие футболу, не угадываем, какой матч вдруг получится. А ведь верно и то, что заполненные трибуны будоражат, вдохновляют, перед ними играется лучше.

А обращают ли внимание зрители на причудливость, непредсказуемость результатов игр? Какие в календаре могут оказываться неожиданности? Вот несколько сюрпризов с точки зрения «Спартака». «Жальгирис» начал чемпионат чрезвычайно слабо, как говорится, не проигрывал только ленивому. Но нам пришлось с ним играть не в ту пору, а когда он собрался с силами, и мы с трудом добились ничьей. Тбилисское «Динамо» долго находилось в расстроенных чувствах и сорило очками. Но накануне матча с нами произошла смена тренера, вернулся Н. Ахалкаци, и тбилисцы, как бывает в таких случаях, постарались себя показать. «Спартак» попался им под горячую руку и проиграл. С другой стороны, как я считаю, расписание нам благоволило в момент обеих встреч с «Зенитом», мы их выиграли до того, как ленинградцы навели у себя некоторый порядок.

Из таких неудач и, наоборот, удач и состоит турнирный маршрут любой команды. Не все удается предусмотреть, но тем интереснее развертываются события. И в эти тонкости тоже можно посвящать аудиторию, вызывать дополнительное любопытство.

Вернусь к клубу. Вижу огромное его достоинство в том, что открывается возможность решения всех проблем, крупных и мелких, силами людей сведущих, знатоков, специалистов. При нынешнем положении, когда футбол растворен среди множества других различных видов спорта, он невольно попадает в зависимость от людей, недостаточно его знающих. Люди эти, даже будучи расположены к футболу, что чаще всего и бывает, его своеобразия и нюансов не чувствуют, пытаются влиять на него, руководствуясь «общими позициями», что обычно к добру не ведет. Слишком многосторонним стало футбольное хозяйство, чтобы управлять им без специальных знаний и опыта. По моим наблюдениям, человек, пришедший в нашу сферу со стороны, не раньше чем лет через пять постигает необходимый минимум. Нет легкомысленнее заблуждения, чем взгляд на футбол как на спорт, который ничего особо сложного из себя не представляет.

Не сомневаюсь, что организация клубов создала бы в футбольной жизни более деловую обстановку. Тщательнее бы продумывались условия соревнований, календарь. Мы же до сих пор не изучили, по каким дням лучше проводить матчи: суббота, воскресенье, может быть, летом понедельник? Никто толком не знает доходов команд, а клубы вели бы им заинтересованный счет. Наконец, в клубе было бы установлено не единоличное управление командой, а коллективное. Сообща создавалась бы и настроенность футболистов на те или иные достижения. И любой конфликт, заминка, не говоря уж о проступках, решались бы знаю-

МОИ ФУТБОЛЬНЫЕ ГОДЫ

Николай СТАРОСТИН,
заслуженный мастер спорта

Продолжение. См. «Огонек» №№ 14—17.

Они играли в «Спартаке». Н. Симонян, Н. Дементьев, Н. Старостин.

Фото А. БОЧИНИНА.

стороне, на уровне пятидесятых годов.

В моих высказываниях об отсутствии порядка в нашем футбольном доме не ищите готовую программу. Мне хотелось, как практику с большим стажем, причастному к восьмикратному завоеванию звания чемпиона страны «Спартаком», привлечь внимание всех, кому дорог футбол, к его серьезным затруднениям.

Потенциальные возможности советского футбола велики. По моему глубокому убеждению, мы их используем едва ли наполовину. Значительная часть труда, сил и времени тратится на преодоление трудностей, возникающих в результате неорганизованности и неопределенности нашего положения.

Утверждая это, я ни в коей мере не собираюсь отвести от нас, практических работников, упреки и претензии. Что же до команды «Спартак», за которую я лично несу ответственность, то отчасти о его задолженности перед нашим футболом я уже упоминал и намерен еще сказать.

Что уж там говорить, обольщаться особенно нечем ни «Спартаку», ни остальным командам. Важные международные победы еще не завоеваны. Путь к ним нужно искать и в новшествах, и в накопленном опыте.

Чувствую, не уйти мне от популярной темы: «Когда играли лучше?» Многим она не дает покоя, хоть отбавляй желающих идеализировать прошлое. И в воспоминания люди погружаются с превеликой охотой, и игру ветеранов преувеличенно расписывают, восхищаясь любым сноровистым приемом. Ничего не имею против товарищеских встреч ветеранов, сам поигрывал за «стариков». Но все же замечу, что слишком быстро большинство из них, перестав быть спортсменами, начинают пренебрегать и физкультурой, располневшие затылки и щеки, животики, размякшие ноги — все это портит вид вовсе не пожилых еще бывших мастеров, так что некоторых сразу и не узнаешь.

Ранний футбол наш начинался согласно выражению: «Охота пуще неволи». Мы были страстными его приверженцами, искали в нем психологической разрядки, нам не терпелось сыграть, наши встречи проходили как бы при повышенной температуре. И первые клубные чемпионаты страны, начавшиеся в 1936 году, тоже были под властью того же азарта, накала, под влиянием тех же возвышенных нравственных и душевных установлений. Ничего тут нет удивительного, до футбола мы дорывались, календарные матчи обычно проходили всего раз в неделю. Если же посмотреть на саму игру тех лет из сегодняшнего окна, то представляется она мне тактически несложной, перемежающейся очевидными техническими огрехами.

В целом бы я сказал, что футбольная игра на моей памяти развивалась и прогрессировала точно так же, как и все прогрессирует в жизни.

Сошлюсь в доказательство на несколько фактов. В тридцатые годы мастера тренировались по вторникам, четвергам и субботам, а играли в воскресенье. Сейчас

щим дело правлением. Тренеры — футбольные специалисты были бы подотчетны правлению. Если бы клуб являлся финансово ответственным, он имел бы возможность заключать на определенные сроки договора с игроками. А те получили бы права, которых у них сейчас нет.

Здесь уместно, думаю, будет высказать мнение о футбольном меценатстве. Не знаю, с чьей легкой руки применительно к футболу меценатство истолковывается как явление сугубо отрицательное, от которого происходят всевозможные беды и искажения. Между тем, как известно, по своему происхождению термин этот подразумевал добрые деяния людей, покровительствовавших и помогавших искусству. Насколько мне известно, у каждой команды есть друзья в разных сферах, которые ей охотно приходят на помощь. Случаев, когда поддержка, выручка нам необходимы, не перечесть, не предусмотреть, ограниченными силами, которыми располагает администрация команды, трудно, а иной раз и невозможно решить все текущие, подчас неожиданно и срочно возникающие вопросы. Это авиабилеты, бронирование мест в гостиницах, перенос экзаменов для наших студентов на свободные от матчей дни, ремонт служебных машин, билеты в театр, когда футболистам требуется разрядке, устройство детей в детские сады, жилищные дела и так далее. Да, нам помогают, секрета тут нет, да и как иначе, если команда живет в напряженнейшем темпе.

И я пользуюсь случаем, чтобы выразить признательность всем друзьям команды, идущим нам навстречу. Уж и не знаю, меценаты ли они, но их бескорыстное сотрудничество, основанное на понимании наших затруднений и нужд, так органично вплетено в деловую жизнь футбола, что без него мы рискуем остаться на мели.

Мне представляется, что все это тоже отражает несовершенную структуру жизни команд. Клубная форма с авторитетным и дееспособным правлением позволила бы в большинстве случаев обходиться собственными силами. Сейчас же, должен признаться, подчас бывает неловко пустяковыми просьбами беспокоить занятых людей, уповая на данные «разведки», что они неравнодушны к «Спартаку». Да и согласитесь, зыбко все это, ненадежно.

Правлению клуба, как легко предположить, было бы сподручнее и легче коллективно решать нужды команды.

Так что гримасы меценатства, против которых справедливо восстает общественность, сошли бы на нет одновременно с исчезновением потребности выходить далеко за пределы команды в поисках решения множества насущных вопросов. Такую возможность, я верю, открыли бы солидно организованные, крепкие, самостоятельные футбольные клубы.

Не взыщите с меня за эти фантазии. Может быть, сегодня мы еще не готовы учредить такие клубы. Но необходимость в них зреет, наш футбол вырос из самодеятельной одежки.

Понимаю всю сложность руководства футбольным делом в масштабе страны. Знаю, что и у аппарата управления футбола уйма повседневных забот, полон уважения к членам президиума федерации футбола, общественникам, бескорыстно и заинтересованно в свое свободное время ведущим ответственную работу. Однако должен признаться, что мне неясно, как распределены обязанности между управлением и президиумом. Не знаю, кто кому подчинен. Иной раз один и тот же вопрос решает то один, то другой орган. Иногда президиум федерации просто штампует то, что разработано управлением. Из-за смешения функций в поле зрения того и другого органа оказываются, как правило, одни текущие дела, которым несть числа.

Мне бы казалось, что президиум, в котором должны объединяться опытные люди с широким кругом познаний в области футбола, мог, кроме общественного контроля за работой аппарата управления, разрабатывать и выносить на рассмотрение Спорткомитета СССР проблемные, имеющие широкое значение предложения, мог стать мозговым центром.

Мы все стремимся к тому, чтобы рос класс игры команд. Это главное, чего мы хотим от мастеров футбола. Полагаю, что рост класса игры прямо пропорционален росту класса методов руководства футболом.

Сейчас настало время пересмотра многих старых представлений во всех областях нашего хозяйствования. Не вижу, почему футбол с его общественным резонансом должен оставаться в

тренировки ежедневные. Было время, когда на команду приходился один мяч. Нынешние мастера выходят на занятия каждый со своим мячом, да возле ворот лежат запасные, чтобы не терять времени, если мяч улетит слишком далеко. А какие теперь мячи! Идеально круглые, без шнуровки и резиновой трубки для надувания, как раньше. А бутсы! Они полегчали вдвое, весят нынче двести граммов, в них можно танцевать на балах. Короче говоря, общение с мячом выросло в десятки раз, не говоря уж о том, насколько оно стало легче, удобнее и приятнее. Если оставить в стороне уникально одаренных, таких, как Петр Дементьев и Григорий Федотов, то уровень игроков — назовем их обычными — сейчас несравнимо выше, они непринужденно выполняют приемы, считавшиеся некогда редкими, сложными.

Игра стала заметно быстрее. Встречались и в мое время скоростники, но они могли позволить себе увлечься бегом в одиночку. Другие нажимали на обводку, она у них получалась, но чувство меры они то и дело теряли, задерживали мяч. Теперь, как известно, в ходу передачи в одно касание, заниматься обводкой в середине поля — признак невысокого класса, и ученик детско-юношеской спортивной школы знает, что быстрее всех игроков должен летать по полю мяч.

Кстати, напомню, что игру в одно касание провозгласил и культивировал замечательный тренер Борис Андреевич Аркадьев. Точно так же, как я считал для себя невозможным пропустить хотя бы одну игру Григория Федотова, всегда нетерпеливо, с предвкушением чего-то нового стремился на каждое выступление Аркадьева на тренерских конференциях, изучал его статьи, его учебник. Культурный, дальновидный человек, ему очень многим обязан наш футбол!

А мне довелось противостоять ему на поле. Меня, правого крайнего, он, левый полузащитник, не раз держал. Жестко играл, хорошо бегал, высоко поднимая колени. Бывало, сталкивались, что-то он мне намеревался сказать в пылу, но, так как он слегка заикался, я отбегал, не дождавшись, и так и не узнал его мнения. Сколько же времени минуло!..

В пору, когда мы с Аркадьевым играли, «университеты» футбольные проходили следующим образом. После матча уговаривались: «Пойдем потолкуем о тактике». Собиралось нас человек семь-восемь, шли в трактир, заказывали самовар, баранок и принимались разбирать свою игру. Теорий мы тогда еще не изучили, судили попросту, исходя из практики. Но возникали и тонкости, полезные и современным игрокам. Напираем мы, крайние нападающие, левый — Валентин Прокофьев и я — правый, на нашего главного «диспетчера» Петра Исакова: «Почему редко мяч давал?» А он аккуратно, спокойно разъяснит: «А зачем тебе было давать, я же чувствовал, что ты сегодня не в ударе, все равно испортишь». И ведь угадывал! Между прочим, нападающий Юрий Гаврилов, тоже прирожденный распасовщик, наделен такой же интуицией, всегда старается найти передачей того партнера, у которого игра особенно хорошо идет, кому попало мяч не доверит.

Я преисполнен уважения ко всевозможным знаниям, накопленным за годы в нашей футбольной специальности. Хочу только предостеречь наиболее рьяных эрудитов: знаниями надо пользоваться с чувством, с толком, помогая ими игре, а не подавляя ее ими.

Не могу, например, согласиться, когда слышу, как какой-либо современный тренер во всеоружии разученных им тактических схем и маневров демонстрирует их игрокам по пятьдесят раз за сезон и не меньше чем по полтора часа за «сеанс», пытаясь им вдолбить, когда и куда они должны передвинуть ногу. У меня в таких случаях возникает ощущение, что он блистает своими познаниями, так сказать, из любви к искусству, а к предстоящему матчу они не имеют никакого отношения. Думаю, что тренерам следует всячески предостерегать игроков от ошибок, внушать, что им не рекомендуется делать. А каждый ход в игре не предусматривать и навязывать. Обстановка на поле большей частью непредсказуема, команда же не станет выполнять затверженные заповеди, если счет сделается 0:1 либо 1:0. Она непременно внесет поправки, что-то изменит по ситуации, на то она и команда мастеров.

Я уже не говорю о том, насколько нужнее и практичнее общих теоретических наставлений проникновение тренера в особенности игроков противостоящей команды. Такие сведения и в прежние времена ценились и служили добрую службу. И не одна техника должна учитываться, а и психология, характеры противников.

Говорю я об этом по той причине, что с удивлением вижу, как иной раз под прикрытием широко распространенных схем и среднестатистических подсчетов игровой деятельности футболистам надевают шоры, строго определенное поведение, лишая их инициативы, выдумки, риска, из-за чего игра заметно оскудевает и тускнеет.

Хотя футбол и сильно изменился, не все из старого опыта бесполезно. Мне кажется, что нынешние игроки недостаточно работают над скоростью. Я на собственном примере сумел убедиться, насколько это важно. Кроме футбола, я увлекался легкой атлетикой, был бегуном на средние дистанции. Участвовал в эстафетах по бульварному кольцу «А», несколько лет моей дистанцией становился Покровский бульвар, даже помню, что пробегал по нему 1300 метров. Со мной разделял это увлечение замечательный вратарь, как его величали, «первый вратарь республики», Николай Евграфович Соколов. Но темп «средневика» для футбола малопригоден, и я самостоятельно, руководствуясь внутренним побуждением, ежедневно совершал по сто коротких, резких рывков, приобщаясь к миру спринтеров. Так я наращивал, а потом и сохранял до конца своих занятий футболом скорость. В результате, будучи еще и выносливым, я изрядно выматывал своим бегом защитников сборной Ленинграда, нашего постоянного соперника. И, кроме меня, тогда многие без указчиков и надзирателей упражнялись самостоятельно, как им подсказывала футбольная необходимость.

Что и говорить, скорость — природный дар, сейчас при приеме в команды особенно обращают внимание на быстроту, и это правильно. А берегут ее футболисты нерадиво, то и дело слышишь о ком-то: «Потерял скорость»,— а возраст отнюдь не критический. Из-за этого и сходят со сцены прежде срока.

Кажется, я недвусмысленно дал понять, что вижу современный футбол значительно и существенно превосходящим старинный. После этого со спокойной душой скажу и о том, что меня не устраивает сегодня.

С того момента, когда команды мастеров стали гораздо больше играть и тренироваться, нагрузки, как и требования к технической квалификации, выросли, прежний откровенный, неуемный пыл стал подчиняться строгим правилам турнирной стратегии. Не возразишь, это естественно.

Но, как обычно, при такого рода поворотах заново рассматривалась сама суть игры. Едва ли не большинство тренеров заразилось оборончеством, декларации об атакующем футболе произносятся на словах, для приличия. В ходу соревнование не в том, кто больше забьет голов, а в том, кто меньше пропустит. Из-за этого футбол искажается даже на глаз.

Нельзя же представить, что размеры поля взяты с потолка, нет, они предусматривают наилучшие возможности для содержательной, интересной, хорошо смотрящейся с трибун игры — 7350 квадратных метров. Прикиньте, сколько используется обычно: хорошо, если по 15—20 квадратных метров на футболиста. А половина поля не обжита. Толкотню и тесноту создают вовсе не новейшие тактические построения, а трусость обороняющихся, их боязнь пропустить, ибо они не верят, что сумеют забить в ответ. Иногда мы сидим на лавочке и спрашиваем друг у друга: «Кто ударил?» В толпе не различишь. Называйте футбол моей молодости простоватым, но я ручаюсь, что мы тогда умели занимать все поле, в плотные кучи не сбивались.

Надо ли говорить, что я пронес через всю жизнь пристрастие к форвардам! Кто изведал охоту за голами, тот ее не забудет. А ведь как доставалось! Но ничто не могло положить предела тяготению к воротам, к прорыву, к удару. И я, как и мои славные товарищи по линии нападения «Красной Пресни» — Валентин Прокофьев, Петр Исаков, Павел Канунников, Петр Артемьев, одно время в полном составе входившие в сборную команду Москвы, гордились своей ролью в игре, отдавали себе ясный отчет в том, как много нам надо уметь, чтобы роль эту исполнить.

Когда я сейчас вижу в команде двух, а то и одного форварда, испытываю чувство горечи. Прекрасно осведомлен о новых тактических построениях, вижу, что хавбеки, даже защитники, забивают. И все же «сокращение штатов» неминуемо повлекло за собой сведение к минимуму искусства форварда, наиболее тонкого, изощренного в футбольной игре. Понимаю, что никого не уговорю прибавить в командах нападающих. Но почему-то надеюсь, что о нас, крайних форвардах, еще вспомнят, поверят в нас снова. Футбол пережил не одну тактическую перемену на нашей памяти, и если в последние годы из передней линии совершался «отлив», то почему он не может обернуться «приливом»?! В этом случае, помимо всего прочего, будут учтены интересы зрителей, а им далеко не безразлично, что предлагают их вниманию на стадионах. Кстати, повсеместное обращение к мини-футболу разве не преследует цели дать публике побольше впечатлений от забиваемых голов, без длиннот и пауз?

Я вообще полагаю, что футбол в будущем начнет энергичнее совершенствоваться как зрелище. Мне приходилось видеть поля, уложенные по наименьшим из разрешенных правилами размеров, и получать по этому поводу разъяснения, что сделано это для того, чтобы зрители видели больше событий в наиболее интересных для них зонах.

Вполне вероятно, что со временем футбол уйдет под крышу, где зрителям будет приятнее, праздничнее, ни дождя, ни снега, ни ветра, идеальное поле, на котором можно показать все совершенство техники, на игроках легкие туфли, позволяющие избежать травм при столкновениях. Фактически все это в какой-то мере уже испробовано. Остается добиться идеального для игры качества настила. Знаю, что есть противники футбола под крышей, у них свои доводы, но тут уж нас рассудит время.

Вернусь к тому, что еще мне претит. Это персональная опека. Вопрос сложный, о нем судят и так, и этак много лет разные авторитеты. Не собираюсь касаться его во всем объеме и во всех разветвлениях. Кажется, я был одним из первых нападающих, кто подвергся персональной опеке. Итог был таков: когда мне однажды удалось оторваться от опекуна и выйти один на один с вратарем, мой постоянный преследователь настолько поверил, что обязан меня «съесть», что недолго думая нанес мне сзади удар по обеим ногам. Было ли утешением, что моего обидчика удалили с поля? В конце концов суть не в моем неловком падении, а в том, что против футбола было совершено преступление. И сколько самых лучших пострадало от грубости, от «персоналки»: Григорий Федотов, Всеволод Бобров...

«Персоналка» — цинично-плебейский способ ведения защиты, при котором над игрой совершается грубое насилие. Не верю, чтобы с трибун так уж привлекательно выглядело это туповатое, назойливое преследование на грани не фола, а членовредительства. Утверждают, что встречаются искусные «персональщики», которые и мяч отберут, и соперника пальцем не тронут. Допустим, такие есть. Но много ли их? А персональную опеку, хотя она не способствует развитию ни техники, ни тактики, внедряют даже в детских командах. Это тоже проявление оборончества — «сам не играй и другому не позволь». Хочу только оговориться, что я имею в виду не наблюдение за противником в зоне, а преследование по всему полю.

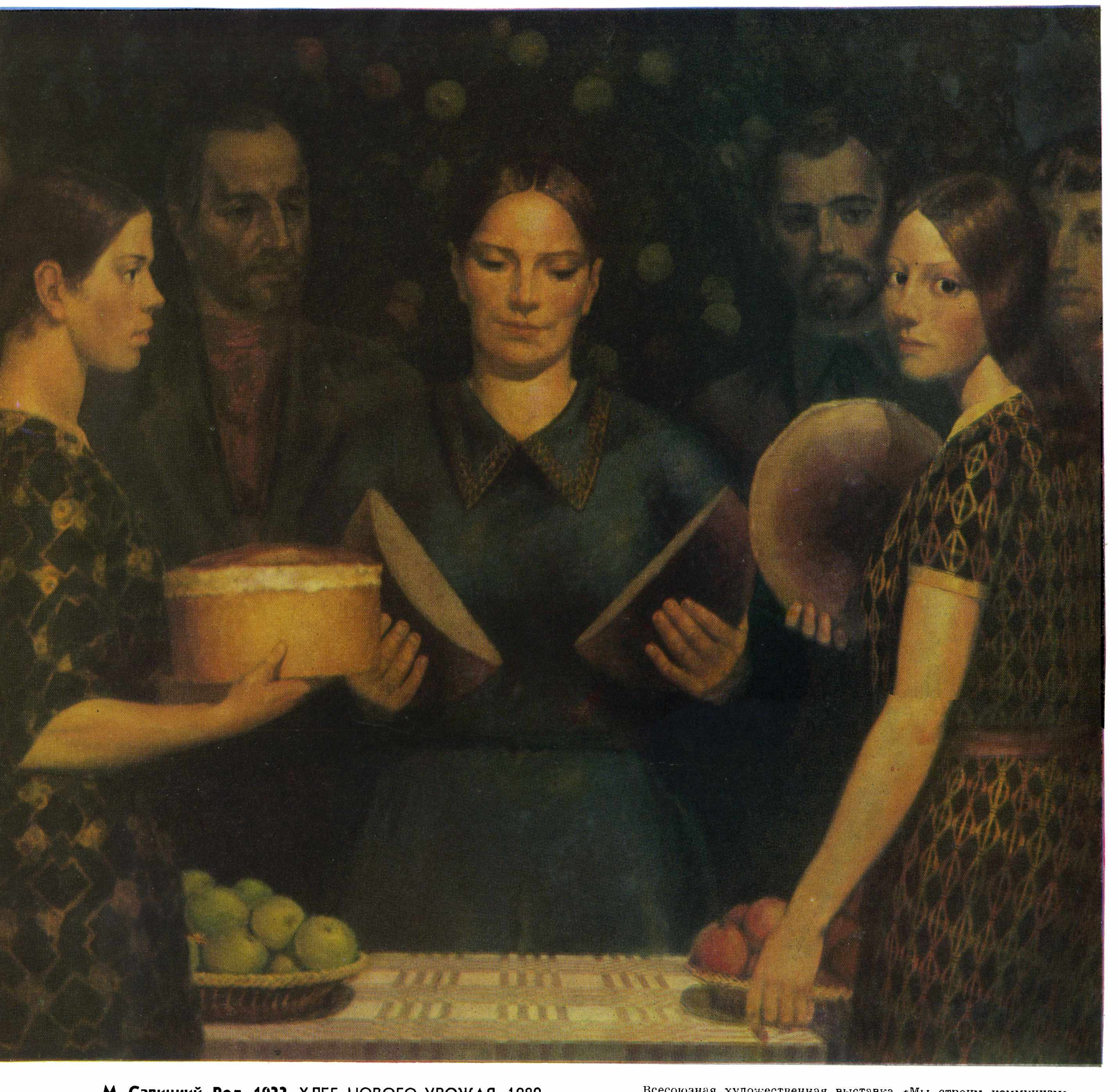
Вот, кажется, я и сказал все, что хотел, относительно сравнения разных футбольных эпох.

Окончание следует.

Н. Пономарев. Род. 1918. МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ ШОЛОХОВ. 1985.

Всесоюзная художественная выставка «Мы строим коммунизм»

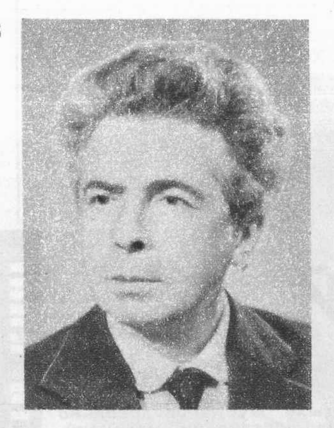

М. Савицкий. Род. 1922. ХЛЕБ НОВОГО УРОЖАЯ. 1980.

Всесоюзная художественная выставка «Мы строим коммунизм».

Александр **ВАСИЛЬКОВ**

Огонь сердец не погасить

•

Вновь заалеет небосвод,
и свет рассеет тьму.
Новорожденный в мир войдет.
Пусть будет мир ему.

Пусть для него журчит ручей
и соловей поет.
И пусть никто среди людей
от пули не умрет.

Уйти настанет мой черед.
Нет в том чужой вины.
Новорожденный пусть растет
и в мире без войны.

•

Пятиконечная звезда
бойцам горит всегда.
И тем,
над кем легла плита.
И тем,
кто без следа...

Огонь сердец не погасить.
Погибшие в бою
в живых героях будут жить,
стоять в живом строю.

Мы отмечаем сорок вех
победной той весны.
Мир —
светлый памятник для всех,
кто не пришел с войны.

Не смолкнут песни никогда
о тех,
над кем легла плита,
о тех,
кто без следа...
Не высохнет слеза!

ПАМЯТИ РИХАРДА ЗОРГЕ

«...Германия совершит нападение на Советский Союз во второй половине июня. Это не подлежит сомнению. Рамзай».

Закодированная,
по рации
в Центр
шифровка умчалась мгновенно.
Рихард Зорге,
твоя информация
безупречна и достоверна.
Есть в разведке
железное правило:
трижды
данные проверяй.
Сообщение отправлено.
Как всегда,
ты был точен, Рамзай...
Вновь в эфир
выходить рискованно.
Контрразведка
сжимает кольцо.
Твоя рация
запеленгована.
Смотрит смерть
тебе прямо в лицо.
Жизнь разведчика —
длящийся подвиг.
Твой —
останется на века.
А, пока еще
не поздно,
Надо действовать
наверняка.
Упредить
этот фактор внезапности,
сомневающихся
убедить.
Потому что
победными залпами
жертв напрасных
не воскресить.
Ты спасаешь людей,
погибая.
Вновь в эфире
морзянки треск.
Телеграмма.
За ней вторая.
И последняя.
Вот ее текст:

«9 армий из 150 немецких дивизий совершат нападение на советскую границу 22 июня. Рамзай».

...В мире много еще
мракобесия.
Вновь в опасности
общий наш дом.
Это нужная очень
профессия —
быть разведчиком
в схватке со злом.
И покуда
сердцам нашим биться,
в том надежном геройстве
залог:
сорок первому —
не повторится,
нас никто
не застанет врасплох!

•

Нескончаемый дождь,
если нужно из дома идти,—
вот что сводит с ума.
И красивая ложь,
если больно от правды в
груди,—
вот что сводит с ума.
Бесконечность дорог,
если счастье не можешь
найти,—
вот что сводит с ума.
Честью скрепленный долг,
если нечем его заплатить,
вот что сводит с ума.
Горе в женских глазах,
если в них невозможно
смотреть,—
вот что сводит с ума.
И небес бирюза,
если хочется ввысь улететь,—
вот что сводит с ума.
И желание жить,
если время пришло умирать,—
вот что сводит с ума.
И сказания нить,
если нечего больше сказать,—
вот что сводит с ума.

ПОДСНЕЖНИК

Еще земля покрыта снегом,
льдом,
а он уже поднялся, невесом.
Он первенец весны,
ее пророк —
сиренево-лазоревый цветок.
Сосулек удивленных
перезвон:
«Как он силен!
Как беззащитен он!»
Мне кажется, в лицо он
смотрит мне
глазами тех, кто умер на войне.
Какая в них бездонная печаль!
У тайн земных особая печать...

•

Могучий,
как сама Россия,
и, как судьба ее,—
велик,
звучит повсюду
с новой силой
наш русский,
наш родной язык.
Им Пушкин,
незабвенный гений,
себя в бессмертие
вписал.
На нем
всем людям мира Ленин
дорогу к свету указал.
И все галактики
внимали,
когда на первом
том витке
впервые в космосе
звучали
слова
на русском языке.
У языка святая служба
сближать
с народами народ.
Таким словам,
как «мир» и «дружба»,
давно не нужен
перевод.

память истории священна

КТО ДОЛЖЕН ОТВЕЧАТЬ?

Трудно, наверное, найти сейчас москвича, который не прошел бы по первой пешеходной улице столицы. О проблемах, возникших в связи с реконструкцией старого Арбата, спорят, о них написано уже немало статей и очерков.

Свернем в сторону от пешеходного Арбата и направимся в заповедные арбатские переулки. С первых же шагов бросается в глаза отсутствие внимания к этому интереснейшему в архитектурном и историческом аспектах району столицы. Продолжается строительство многоэтажных жилых зданий на месте уничтоженных старинных арбатских особняков (об этом «Огонек» уже писал в № 37 за 1985 г.). Не лучше обстоит дело с историческими памятниками, которые в результате вмешательства общественности избежали сноса.

Еще в № 51 нашего журнала за 1984 год был напечатан материал, который призывал не допустить в связи со строительством детского сада уничтожения трех домов на улице Мясковского, тесно связанных с историческим прошлым России: дома № 8, в котором жил поэт, философ, общественный деятель Николай Владимирович Станкевич; дома № 12, первое строение которого нанимал писатель Сергей Тимофеевич Аксаков и где впервые московской общественности был представлен Н. В. Гоголь; наконец, второго строения того же дома, где в шестидесятые годы прошлого столетия проживал известный врач Алексей Александрович Остроумов. Редакция получила множество откликов. «Сломать легко — восстановить чаще всего невозможно» — так словами автора одного из писем можно охарактеризовать реакцию наших читателей. Часть писем была напечатана в «Огоньке» № 11 за 1985 год.

Наконец редакция получила и официальный ответ за подписью заместителя начальника Главного архитектурно-планировочного управления Москвы О. А. Заленского. Полностью его письмо было опубликовано в «Огоньке» (№ 23 за 1985 г.). Там есть такие слова: «дано указание на разработку нового варианта размещения детского сада с безусловным сохранением строений № 1 и № 2 во владении № 12 по улице Мясковского».

Что же понимает ГлавАПУ под «безусловным сохранением» указанных домов? Чтобы уточнить это, нынешней весной я отправился на улицу Мясковского. В обоих домах, подлежащих «безусловному сохранению», уже около двух лет никто не живет, рамы многих окон выломаны, стекла разбиты, в одном из них уже был пожар. На строении № 1, как раз над мезонином, где в своем кабинете Аксаков принимал Гоголя, крыша просто-напросто сорвана. Это произошло минувшей зимой.

Не лучше обстоит дело с домом № 8. Согласно сообщению Ленинского райсовета, этот дом еще в сентябре 1982 года был передан вначале одной, затем другой, третьей организациям... Его состояние не отличается от соседей — те же выбранные рамы, разрушенная кровля.

Диву даешься, что 150-летние домики еще держатся, невольным уважением проникаешься к их создателям: умели же крепко строить полтора века назад в России!

Если мы так будем «беречь» исторические памятники в центре Москвы, то вскоре лишимся многих драгоценных зданий. Прикрываясь отписками, кое-кто равнодушно, а иногда и заинтересованно взирает на гибель памятников. Конечно, умрут дома — и хлопот меньше.

Кто же должен нести ответственность за то, что гибнут исторические здания, что не выполняются и не контролируются работы по их консервации, что дома не передаются действительно заинтересованным организациям? Почему не начата до сих пор их реставрация? Этот вопрос мы адресуем исполкому Моссовета.

В. ПОТРЕСОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПАНОРАМА

читая журналы

В ОЖИДАНИИ ОТКРЫТИЙ

Впечатление от мартовских номеров «толстых» журналов довольно вялое. Ощущение уже всего знакомого: почерка, обстановки, коллизий. Будто не переставая читаешь две или три длиннющие повести, от которых ничего не ждешь: ни удовольствия, ни открытия. Точно заметил В. Бондаренко в «Нашем современнике»: «...Нельзя не увидеть в современном искусстве некоторого стремления к облегченности, к бездумной созерцательности, к изящным безделушкам, к похождениям королей и королев, к опереточным суперменам... к веселой и зажигательно-острой, пикантной жизни новоявленной элиты из сферы потребления...»

Конечно, «игру на занижение, игру на чувственные нервные окончания у эстетически неразвитой части читателей» остановить нелегко. Здесь требуется не только время, количественный фактор, здесь требуется психологическая перестройка читательского сознания. А это внутренняя качественная работа всего общества, всей культуры.

Итак, в «толстых» журналах, вышедших в марте, нет, на наш взгляд, вещи, которая бы взбудоражила, взволновала, обнажила чувства. Нет «гвоздя программы»: романа, повести, рассказа, о котором говорили бы с восторгом, с завистью.

В определенном познавательно-историческом смысле заслуживает внимания роман Ю. Сбитнева «Частная кара», опубликованный журналом «Москва». Благородная прежде всего задача — воскресить малоизвестные страницы эпохи 14 декабря 1825 года. В центре повествования незаурядная личность декабриста Кущина, судьба которого — одна из темных страниц царствования Николая I. Экспрессивно развивается действие вокруг судьбы человека, сказавшего в глаза императору всю правду о том, что «возвышение отечества нашего ...в развитии свободной мысли и инициативы людей». В романе одновременно как бы существует несколько сюжетных линий, каждая из которых, по замыслу автора, должна была высветить фигуру Кущина, его действия и помыслы на благо отечества. Но, согласитесь, каким образом можно совместить с этим подробности пребывания в московском ресторане крупнейшего советского писателя, а затем встречу с ним на его родине группы молодых литераторов? Или новеллу о встрече автора романа с вдовой Максимилиана Волошина в Коктебеле? Создается впечатление откровенной эклектики, несобранности. Внимание читателя рассеивается на, быть может, и интересные мемуарные впечатления человека, видавшего на своем веку многих выдающихся наших современников, но явно лишние, не работающие на основную сюжетную канву исторического романа.

Об этом же думаешь при знакомстве с политическим романом Саввы Дангулова «Братина», опубликованном в «Дружбе народов», и романом-эпопеей Антонины Коптяевой «На Урале-реке», напечатанном в «Молодой гвардии». И здесь как бы идет соревнование возможностей «чистой беллетристики» и документального материала. В обоих произведениях преимущество остается на стороне достоверного факта, события. Интересен, например, исторический и биографический материал в романе Дангулова, через который высвечиваются фигуры крупных дипломатов ленинской школы Чичерина, Воровского, Карахана. Там же, где авторы уходят в сферы художественного вымысла (не всегда, кстати, оправданного и в романе А. Коптяевой), можно без ущерба пропускать целые страницы, стремясь к реальному изображению истории.

Как бы в укор «толстым» литературно-художественным журналам наиболее интересные и для самого широкого читателя материалы собрал под своей мартовской обложкой критико-библиографический журнал «Литературное обозрение», выходящий тиражом всего в 20 тысяч экземпляров. «Это сложное время...» называется беседа с писателем Виктором Петровичем Астафьевым. Об острых вопросах современной жизни и литературы говорит писатель открыто, честно. Достоинство искусства и сохранение природы и памятников культуры, еще бытующая в нашей критике поддержка посредственностей во имя личной выгоды, знакомства и т. д., противоречивость и сложность современного мира — вот лишь некоторые темы, затронутые известным писателем.

Не оставят никого равнодушным записки Е. Цейтлина о нашем современнике, подвижнике культуры Н. Н. Яновском, «сибирском просветителе XX века», возродившем из небытия имена многих забытых деятелей культуры, связанных с Сибирью.

Игорь Золотусский опубликовал очерк «Иначе он не мог», посвященный публицистике Ф. А. Абрамова. Все помнят его откровенное, горькое «Письмо к землякам». Это был один из сложнейших периодов в жизни Абрамова, когда он не мог молчать. «Ему мало было романов и повестей и их косвенного влияния на читателя,— пишет Золотусский,— ... он хотел немедленного воздействия слова на людей... Пройдет время, и этот подвиг Абрамова — его «Письмо к землякам» — зачтется ему».

Возвращаюсь к первоначальному впечатлению: в мартовских журналах нет такого художественного произведения, которое стало бы событием. Вроде бы есть чем поинтересоваться на досуге: в хорошей форме старейший советский писатель В. Каверин в его трех новых рассказах («Октябрь»), по-прежнему плотен в своей прозе Б. Екимов, напечатавший свои новые рассказы в «Знамени» и в «Новом мире». Есть повести, романы, написанные профессионально, где поднимаются актуальные и злободневные темы, например, «Злой час» А. Каштанова («Знамя»).

Но большинство публикаций — в рамках усредненного читательского восприятия. А «общество ждет от писателя художественных открытий...», как сказано в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии, которые всегда были «сутью настоящего искусства».

Феликс МЕДВЕДЕВ

среди книг

«И ГРОМКОЮ ОКТАВОЙ В ХОРЕ...»

Два объемистых тома, выпущенные издательством «Художественная литература», вместили в себя стихи, прозу, статьи, очерки, выступления, письма Бориса Пастернака. Многие из них, напечатанные при жизни автора, достойно выдержали испытание временем. Это восьмое посмертное издание трудов большого поэта нашей советской эпохи.

Подлинное искусство не стареет. Об этом говорят стихи и проза Б. Пастернака, впервые собранные в таком полном объеме и дающие четкое представление о «новой поэзии, великолепно чувствующей современность» (В. Маяковский), и о «таланте исключительного своеобразия» (М. Горький).

От первого тоненького сборничка, вышедшего в 1913 году, до двухтомного собрания избранных произведений художнический мир Б. Пастернака, его сложная противоречивая творческая судьба притягивает и волнует читателя. Революция, война с фашизмом, пламень первых пятилеток, многие события, которыми жили советские люди, вошли в его книги. Мощными потоками вихрей эпохи пронизаны такие произведения Пастернака, как поэмы «Девятьсот пятый год», «Лейтенант Шмидт», книга «Второе рождение», цикл стихов «Когда разгуля-

Дом декабриста С. Г. Волконского, восстановленный в Иркутске.

ТИХАЯ МОЯ РОДИНА

Он наверняка не думал и не мечтал о памятнике. Что бронза и бессмертие?! Он был почти безразличен к мирской суете и славе, к житейским благам. Обходился минимумом жилплощади, одевался просто, сторонился шумных литературных компаний. Главным в его короткой и нелегкой жизни была поэзия.

Тихая моя родина!
Ивы, река, соловьи...
Мать моя здесь похоронена
В детские годы мои.

Первое стихотворение, «Зима», Николай Рубцов написал в селе Никольском Вологодской области, когда ему было девять лет. Последний прижизненный сборник «Сосен шум» вышел незадолго до смерти. Двадцать шесть лет творчества были для Николая Рубцова полной самоотдачей поэтическому слову. Мысль Л. Н. Толстого о том, что поэт лучшее своей жизни отнимает от жизни и кладет в свое сочинение — очень подходит к жизни и творчеству прекрасного поэта.

Как это нередко случается, «большое видится на расстоянии». Сегодня поэзия Рубцова все шире и шире наполняет людские сердца. Тираж его книг достиг трех миллионов экземпляров, вышло «Избранное» Рубцова, опубликована книга воспоминаний о нем. О поэте написан роман, создан документальный кинофильм.

И вот в Вологде открыт ему памятник (автор — московский скульптор Вячеслав Клыков). Внимательный, нежный, добрый взгляд. Вот-вот с губ слетит новая строка. Быть может, эта:

С каждой избою и тучею,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь...

Л. СЕМЕНОВА

Вологда.

ется». Историческим оптимизмом навеяны многие строки поэта, который проникновенно ощущал «век в своей красе».

Лишнее доказательство этому, а заодно и похвала составителям и комментаторам Е. В. Пастернак и Е. Б. Пастернаку, проделавшим кропотливую работу по выявлению и внесению в состав собрания малоизвестных или вовсе неизвестных широкому читателю произведений поэта, включение сюда выступлений Б. Пастернака на Первом съезде Союза советских писателей и на III Пленуме правления СП СССР в Минске, а также очерка о В. И. Ленине. Как емко, детально, по-пастернаковски конкретно и в то же время объемно схвачен образ величайшего вождя: «Ленин был душой и совестью такой редчайшей достопримечательности, лицом и голосом великой русской бури, единственной и необычайной. Он с горячностью гения, не колеблясь, взял на себя ответственность за кровь и ломку, каких не видел мир, он не побоялся кликнуть клич к народу, воззвать к самым затаенным и заветным его чаяниям, он позволил морю разбушеваться, ураган пронесся с его благословения».

Многие строки Пастернака звучат сегодня остро и злободневно. Вот эти, например:

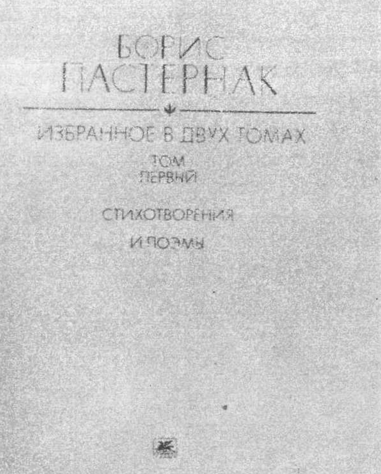
Все нынешней весной особое.
Живее воробьев шумиха.
Я даже выразить не пробую,
Как на душе светло и тихо.
Иначе думается, пишется,
И громкою октавой в хоре
Земной могучий голос слышится
Освобожденных территорий.

Известно, что поэт всегда был за «жизнь без помпы и парада», что «все трескуче-приподнятое и риторическое» казалось ему «неосновательным, бесполезным, а иногда даже и морально подозрительным». Его волновали подлинный смысл человеческого бытия, предназначение человека в этом мире, сущность вещей...

Во всем мне хочется дойти
До самой сути.
В работе, в поисках пути,
В сердечной смуте.

Л. МИЛИНА

МУЗЕЙ СЕРГЕЯ ВОЛКОНСКОГО

Героическое прошлое нашей истории раскрыло еще одну страницу. В Иркутске воссоздан дом декабриста Сергея Григорьевича Волконского, ставший недавно музеем. Когда-то здесь, в этих стенах, продолжалась жизнь одного из тех, кто по праву зовется «сыном отечества». Того, кто решительно выступил против самодержавной власти.

Отбыв каторгу, прожив долгие годы в местечке Урик, в восемнадцати верстах от Иркутска, Сергей Волконский поселяется в своем собственном доме, построенном стараниями жены Марии Николаевны Волконской. Дом сразу же стал центром культурной жизни далекого губернского городка. Сюда приходили все, кто нуждался в помощи и совете, приюте, сочувствии, моральной или материальной поддержке. Здесь бывали писатели, художники, ученые, государственные деятели, приезжавшие из столиц в Иркутск. Здесь говорили о судьбах Родины, вспоминали друзей, произносили имена Пушкина, Гоголя, Рылеева, Лермонтова. Здесь скорбели об «униженных и оскорбленных». Здесь читали стихи, здесь звучала музыка...

Быть может, такая же, какую сейчас извлекает из старинного инструмента Евгений Александрович Ячменев, показывая нам, что орган и рояль сохранили свое живое звучание. Ныне он директор Иркутского музея декабристов, а когда-то приходил сюда просто так, поговорить с друзьями о судьбах декабристов, помочь организовать экскурсию. Отслужив в армии, влюбившись в старинный сибирский город, он навсегда отдает себя служению музе истории. Энтузиаст, каких мало, Ячменев много сил, энергии вложил в дело создания музея декабристов в Иркутске.

А сложностей было действительно много. Жильцам домов, которые проживали до наших дней в домах «опальных ссыльных», нужно было «выбивать» квартиры. Потом стали думать, чем заполнять их: сохранилось ведь немногое с той давней поры. Глубокие знания истории, неистощимая энергия, выдумка, фантазия, а главное — умение быть скрупулезно точным во всем, что касается живого прошлого, не сфальшивить даже в малом, отличает работу тех, кто сумел создать один из лучших музеев в стране.

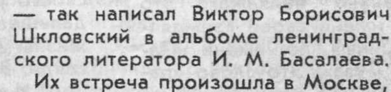
Собранный по бревнышку, частью отреставрированный, частью перестроенный, восстановленный, приобретший сегодня почти первозданный изначальный вид, дом декабриста Волконского соединил прошлое с настоящим, соединил времена.

Личные вещи Волконских, других декабристов, картины, мебель, изразцовые печи, паркетные полы, книги — все это кусочек «поры печальной и далекой». И нам близкой.

Всего не перечислишь, всех имен не назовешь. Но благодаря стараниям и участию многих дом Волконского сегодня вновь стал центром духовной жизни иркутян.

О. ЛУКАШИН

Иркутск.

«БУДУ ЛЮБИТЬ ЛЕНИНГРАД И ПОСЛЕ СМЕРТИ»

— так написал Виктор Борисович Шкловский в альбоме ленинградского литератора И. М. Басалаева.

Их встреча произошла в Москве, в Центральном доме литераторов в 1960 году. Шкловский, уже давно ставший москвичом, при встрече с ленинградцем вдруг почувствовал тоску, тягу к покинутому им любимому городу. Вся запись в альбоме говорит об этом. В его памяти возникли горячие 20-е годы в Петрограде, насыщенные общественными и литературными событиями молодой Советской республики. Вспомнилось ему начало его собственного литературного пути.

«Родился я на Знаменской улице, угол Бассейной. Теперь она улица Маяковского. Вся молодость, «Опояз», «Серапионовы братья», Блок, Горький — все это Петербург-Ленинград. Пишу ленинградцу о любви к великому городу. Буду любить Ленинград и после смерти. Желаю счастливой встречи с великой рекой, с неумирающим прошлым. Но в Экклезиасте сказано: «Говорить, что сегодня хуже, чем вчера — не дело мудрого». Люблю и завтрашний Ленинград. Виктор Шкловский на 68-м году своей жизни 30 июня 1960 г. Москва. Дом Куплетистов».

В этой небольшой, но примечательной записи отражена сложная натура этого писателя, эрудита, острослова.

В оставшейся после смерти Басалаева рукописи под названием «Записки для себя» он пишет о Шкловском: «Я знаю людей, которые говорят так:

— Нет, я Шкловского никогда не встречал, но зато я видел Андроникова, изображающего Шкловского.

К счастью,— пишет Басалаев,— я увидел и услышал Шкловского раньше, чем Ираклия Андроникова».

И далее: «Он писатель оригинальный, его не спутаешь ни с кем. Его закон речи — на острие зрения, как будто мы слепые, а Шкловский учит нас видеть. Какая неожиданная наблюдательность в «Гамбургском счете»! Как неожиданны его сопоставления! Он чем-то похож на учетчика переоценки ценностей наших обычных представлений».

Говоря о Шкловском 60-х годов, Басалаев пишет иначе: «Когда-то Шкловский «пробивал окно», теперь он оглядывается. Он хочет оглянуться с высоты и увидеть другими глазами свой дом юности. Но мало того — он хочет увидеть его для того, чтобы не ошибиться при постройке дома будущего».

Интересной иллюстрацией и подтверждением мысли Басалаева служит письмо поэта Всеволода Александровича Рождественского. Он и Шкловский одновременно жили в Ялте в 1961 году, и после этих встреч Рождественский пишет Басалаеву:

«У Шкловского есть логика, но очень своеобразная, идущая зигзагами. Он принадлежит к тем, кто чешет правое ухо левой рукой. В свое время это было прекрасно. Приучало бороться со штампами и трафаретами, освежало речь. Но на этом приеме не продержишься (если хочешь быть понятым другими). Я думаю, что Шкловский понял это раньше, чем другие догадались. Сейчас он совсем другой.

Виктор Борисович жаловался мне, что хочется переучиваться, а времени уже нет. Он говорил мне:

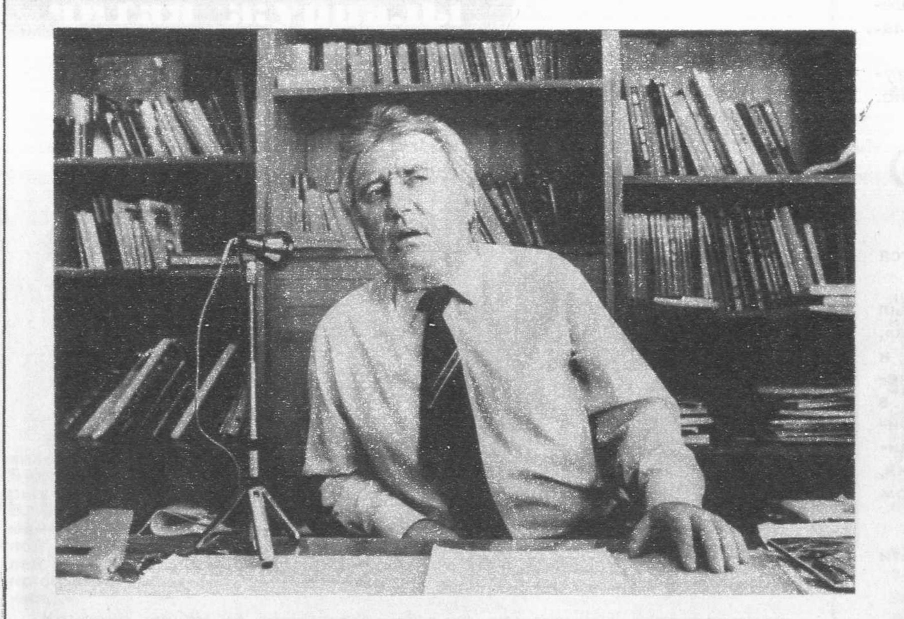
— Нельзя быть всегда гейзером, надо стать и рекой. Из вертикали перейти в горизонталь. Моя вертикальность была, в сущности, лично моим делом, а искусство все же дело коллективное».

Эти две выдержки из записей двух ленинградских писателей дополняют образ Шкловского последней трети его жизни.

И. НАППЕЛЬБАУМ

Ленинград.

В статье впервые цитируются документы, хранящиеся в архиве И. М. Наппельбаум-Басалаевой.

К 60-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Е. А. ИСАЕВА

ДАЛЬ СЛОВА

Всегда в движении, всегда на виду. Плотный, энергичный, улыбчивый. Резкие движения, чеканные зычные фразы. Говорит и спорит убедительно, весомо. Постоянно с людьми и постоянно кого-то в чем-то убеждает. Однажды Егор Александрович Исаев сказал о себе полушутя-полусерьезно, что, наверное, родился проповедником.

Еще учась в Литературном институте, он, фронтовик, задумал написать поэму о войне. Эта мысль не отпускала, жгла, мучила. Ему хотелось еще и еще раз поведать людям об ответственности каждого человека за мир на земле. Однажды о своем замысле поэт решился рассказать Михаилу Исаковскому и получил одобрение, совет, а Константин Паустовский был категоричен: «В вашем замысле вся философия войны. Вы должны написать об этом!»

Поэма «Суд памяти», опубликованная в начале шестидесятых годов, принесла Егору Исаеву широкую известность. С тех пор она многажды переиздавалась, переводилась, изучается в школах, звучит с эстрады. Оцененная вместе с другой крупной вещью Е. Исаева, поэмой «Даль памяти», Ленинской премией, она прочно вошла в сознание читателей, стала заметным явлением современной поэзии.

Летит Земля
С восхода до восхода,
Из года в год,
Со скоростью мгновенной,—
Великая! —
В ногах у пешехода,
И капельная точка —
Во вселенной.
Единая!
С шестью материками
И с выводками разных островов,
Спеленутая мягко облаками.
Овеянная тысячью ветров.
Летит Земля.
Вся в росах и туманах,
В потоках света,
В посвисте снегов.
Пульсирует в ручьях и океанах
Вода —
Живая кровь материков.

О чем эти стихи? Вроде бы в них нет никакой тревоги, даже намека на тему войны, мирового побоища. Но это только первое впечатление, ибо от такого обобщенного взгляда на мир, на вселенскую цивилизацию стих Исаева поднимается до конкретной публицистики дня — к спасению мира от новой войны. Эта тема сквозная для всего фронтового поколения литераторов, к которому принадлежит и Егор Исаев. Мало того, несмотря на быстро летящие годы, на всевозможные катаклизмы, перепады времени, на появление новых тем для литературы — важных, злободневных — тема войны и мира для поэта по-прежнему на первом месте. В авангарде творчества, всей повседневной работы как литератора, как общественного деятеля Егора Александровича Исаева.

Об этом же и его выступление на писательском съезде: «Итак, за кругом круг, за кругом круг. Два таких круга уже стоили человечеству 60 миллионов жизней. Произношу в разбивку, иначе не могу — так много за ней, за этой цифрой страшно недопредставимого, недоисчислимого до конца. Не знаю, как ЭВМ, но живое воображение просто цепенеет перед всем тем, что заключено в этой цифре. И нельзя, ни в коем случае нельзя привыкать к этой цифре — привычка здесь равносильна кощунству, если даже не преступлению. Надо, чтобы эта вопиющая цифра навсегда и везде, как великий и скорбный океан, ворочалась в сердце каждого из нас, и било, било, постоянно било в его берега двенадцатибалльной волной памяти...»

Об этом же речь в разговоре с начинающим литератором, которому, конечно же, трудно представить себе войну: «А ты вообрази себе хоть двадцать убитых. Вот лежат во дворе. Волосы ведь дыбом встанут».

О поэме «Суд памяти» много писали в свое время, говорили. Чтобы не повториться, скажем только, что есть в поэме, помимо трех основных героев, еще один — очень важный, можно сказать, даже заглавный. Не вступая на авансцену, он постоянно незримо присутствует и в гневной публицистической речи поэта, и в лирических проникновенных пейзажах. Это автор. И говорит он от имени своей «землячки» — «маленькой женщины» по имени «Память». Она «боль его и муза». Это слово «память» стало определяющим во всем творчестве Е. Исаева: он сумел добавить в его значение как бы некие новые оттенки. Поэма и считается новаторской вещью не только по масштабности поэтической мысли, но и по метафорическому ее строю. Образному воплощению авторского замысла.

Егор Исаев — поэт обостренно-современный, мыслящий масштабно, объемно. Его поэзия касается сложных вопросов не только нашего сегодняшнего времени, но и всего нашего века, уходя корнями в прошлое, упираясь кроной в будущее. Антивоенная, антифашистская сущность его слова направленно актуальна. Глубокое знание народного языка, разговорного, фольклорного, «деревенского», эмоциональный накал его поэм, стремление мыслью и образом объять философскую подоснову далей жизни, далей человеческого бытия, рода людского отличают произведения Исаева от быстротекущего и наносно-поверхностного в нашей поэзии.

Он не отдает свою музу во власть легких соблазнов, стоит в стороне от модных литературных пристрастий. Шесть сравнительно небольших по объему поэм, да немного лирических стихотворений — вот багаж, накопленный им со времени выхода в свет поэмы «Над волнами Дуная» в 1953 году. Каждая поэма требовала времени на осмысление, а марафонская дистанция их написания как бы взывала к поддержке читателей, коллег по перу. Вот почему главы, куски из еще неоконченных произведений он проверял на голос, выступая с ними перед читателями.

Есть фотография, на которой Егор Александрович запечатлен в родной деревне вместе с односельчанами, работающими на току. И это не поза: можно верить, что Егор Александрович, оказавшись в родных местах, не только физически помогал колхозникам выполнять их нелегкую повседневную работу, но и поддерживал их добрым словом, стихами. Он вырос среди воронежских черноземов и с детства впитал любовь и уважение к человеку, добывающему хлеб, знающему хлебу цену. Свою причастность к земле, к деревне, к российскому простору полей поэт подчеркивает всегда. Вспомним, например, строки из поэмы «Даль памяти»:

Земля — от неба,
Дерево — от корня
И далее:
Река — от родника.

Сегодня, когда мы говорим о новом подходе к «качеству» слова, рассуждения Е. Исаева о писательстве весьма кстати: «Писательство... своего рода извоз: дорога к слову, в слове и дальше слова — к читателю. Дорога из жизни в жизнь. А раз так, то тут, значит, тоже гляди да гляди. В корень слова гляди: что везешь и зачем? И в даль слова гляди: откуда везешь и куда? И при этом не впадай в край ни в тот, ни в другой. А главное, не переторопи себя тщеславием, не издергай мелочной выгодой свой же талант»,— писал он в автобиографии.

Слово «совесть», так же как и слова «память», «дорога» — опорные в исаевской поэтике. Они постоянны в его произведениях. В поэме «Убил охотник журавля» тема совестливости, раскаяния главенствующая, сквозная. Журавля, вожака стаи подстрелил охотник. Вроде бы легко убил, играючи, но тут же схватился за сердце, «за душу» — что же я натворил?! На живое поднял руку. И в нем огнем заполыхала совесть. Вспомнил всю жизнь свою крестьянскую: и брата, погибшего на войне, и друзей фронтовых, и себя на фронте, и все, что было потом в родной деревне — и муки, и слезы, и редкие радости нелегкой послевоенной поры. Многое он начинает понимать, охотник, убивший журавля. «Как будто сам себя на суд, под приговор веду по совести своей...» — говорит он.

В эти дни поэт Егор Александрович Исаев отмечает свое 60-летие. За этой датой — славный путь большого советского художника.

Н. ВАСИЛЬЕВ

Ведут спор команды СССР и Чехословакии.

ЧЕТВЕРКА НА ФИНИШЕ

Фото А. БОЧИНИНА

Уже после первой недели чемпионата команда СССР завоевала европейское первенство. А за два тура до конца предварительного турнира определилась первая четверка, она и продолжит спор за золотые медали чемпионов мира.

Никто не сомневался, что чемпион мира, команда Чехословакии, войдет в финал и будет снова главным претендентом на победу. Но чехословацкие хоккеисты уже на старте проиграли аутсайдерам — польской и западногерманской командам, а еще один проигрыш — шведам и ничья с финнами поставили их на самый край провала.

Чтобы попасть в четверку лучших, сборной ЧССР оставалось лишь одно — выиграть все три оставшихся матча у американцев, хоккеистов СССР и канадцев. В пятый день чемпионата чехословацкие игроки забили американцам за 10 минут 4 шайбы, а всю игру закончили со счетом 5:2. Советские хоккеисты, которым предстояло выйти на то же поле для встречи с канадцами через три часа, поняли, что через день им придется увидеть против себя чехословацких хоккеистов, вышедших на победную тропу.

И наша команда на победу чехословацкой сборной над американцами ответила в своем стиле, победив канадцев в исключительно напряженном матче со счетом 4:0. А ведь канадцы, получив солидное подкрепление, играли значительно лучше, чем в предыдущих матчах.

Так сложились события на чемпионате к 20 апреля, когда на ледяном поле должны были встретиться сначала канадцы и американцы, а затем сборные Чехословакии и СССР...

И этот день многое решил. Канадцы в напряженном спортивном споре выиграли у команды США со счетом 4:2, и теперь им, набравшим шесть очков, оставалось лишь одно: желать победы советской сборной. Ведь в этом случае чехословацкие спортсмены в четверку уже попасть не смогли бы.

И вот на поле вышли две лучшие команды мира — СССР и Чехословакии, и мы увидели матч высочайшего накала. Первые пять минут прошли с преимуществом чехословацкой сборной, но на 8-й минуте шайбу забил новичок советской сборной В. Константинов, затем В. Крутов и В. Фетисов во втором периоде забросили еще две шайбы, а закончился матч со счетом 4:2 (шайбу забил И. Ларионов).

Таким образом, чемпионы мира-85 будут вести борьбу за 5—8-е места, а золотые медали предстоит оспаривать советской, шведской, финской и канадской командам.

В. ВИКТОРОВ

Играют канадцы и американцы.

На площадке шведы и финны.

У НАС В ГОСТЯХ

Наследником «Моллы Насреддина» называют в Азербайджане сатирический журнал «Кирпи» («Еж»). И это понятно. Дело в том, что Молла Насреддин не только собирательный образ мудреца, с чьим именем связаны сотни веселых историй. Так назывался и популярнейший азербайджанский сатирический журнал, издававшийся в начале века.

Недавно журнал «Кирпи» отметил свое 33-летие. За это время он не только прибавил в весе (тираж с 20 тысяч экземпляров вырос до сотни тысяч), но и в росте. Длиннее стали его иглы, на которые попадаются бюрократы, взяточники, подхалимы, спекулянты.

Хотим познакомить читателей «Огонька» с некоторыми публикациями нашего журнала.

Главный редактор журнала «Кирпи» Шамиль Хуршуд

Давуд ДАМИРЛИ

ЧЕЛОВЕК БЕЗ НЕРВОВ

Как вы думаете, бывают ли люди совсем без нервов? Бывают! Я сам знаю одного такого. Он работает вместе со мной. Что бы ни творилось у нас в конторе, о чем бы ни говорили сослуживцы, он всегда оставался спокоен.

— Подумаешь! — говорил он.— Было бы из-за чего нервы тратить!

Сослуживцы сердились на него.

— Ну просто статуя, а не человек! — говорили они.— Ни погода его не волнует, ни проигрыш футбольной команды, ни увольнения, ни выговоры.

— Да,— соглашался Человек без нервов.— Я человек без нервов! И этим горжусь.

Но вот на днях я встретил Человека без нервов в поликлинике. Он взволнованно шел по коридору и разговаривал сам с собой.

— Что случилось, дорогой? — спросил я его.

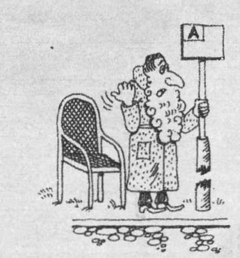
— Я этого так не оставлю! — прохрипел он.— Представляешь, пришел утром к невропатологу на диспансеризацию. Мне всего-то надо было поставить подпись и написать: «Практически здоров». Сначала врач опоздала к началу приема на час. Потом еще два часа я ждал своей очереди. Наконец вхожу, сажусь, начинаю разговаривать с врачом. Тут входит какая-то молоденькая девушка в белом халате, и они вместе с врачом начинают щебетать о каких-то нарядах, дискотеках, отпуске в горах. Я ждал, наверное, полчаса, наконец терпение мое лопнуло, и я, стукнув кулаком по столу, закричал: «Да вы будете наконец работать или нет!» Врач внимательно на меня посмотрела, взяла мою справку, что-то на ней написала и сказала, что я могу идти. Посмотри, что она тут изобразила.

И он поднес к моим глазам бумажку, на которой было написано: «Нервный больной. Нуждается в лечении».

Переводы с азербайджанского С. ВОЗЛИНСКОЙ.

Л. ДАВЫДОВ

НАИВНЫЕ ЛЮДИ

Справа на дороге стоял столб с полустертой табличкой, а под ним собралась небольшая толпа.

Я привалил рюкзак к дереву и подошел поближе. Все внимательно слушали седобородого старика, сидящего на плетеном стуле.

— Он был большой! Серый, весь запыленный!.. Он ревел громче быка и несся быстрее коня. Он умчался вон в ту сторону.— Старик протянул руку, и все многозначительно посмотрели на дорогу.— Раньше они бывали здесь часто. Потом стали появляться реже. Но тот серый не был последним. Я знаю, что должен быть еще один. Верьте, наступит день...

Все с уважением слушали.

И тут я понял, что наивные люди собрались здесь! Посмеиваясь про себя над ними, я взвалил рюкзак на спину и зашагал в сторону базара.

А они пусть себе дожидаются приезда рейсового автобуса!

Магомед БАХАРЛЫ

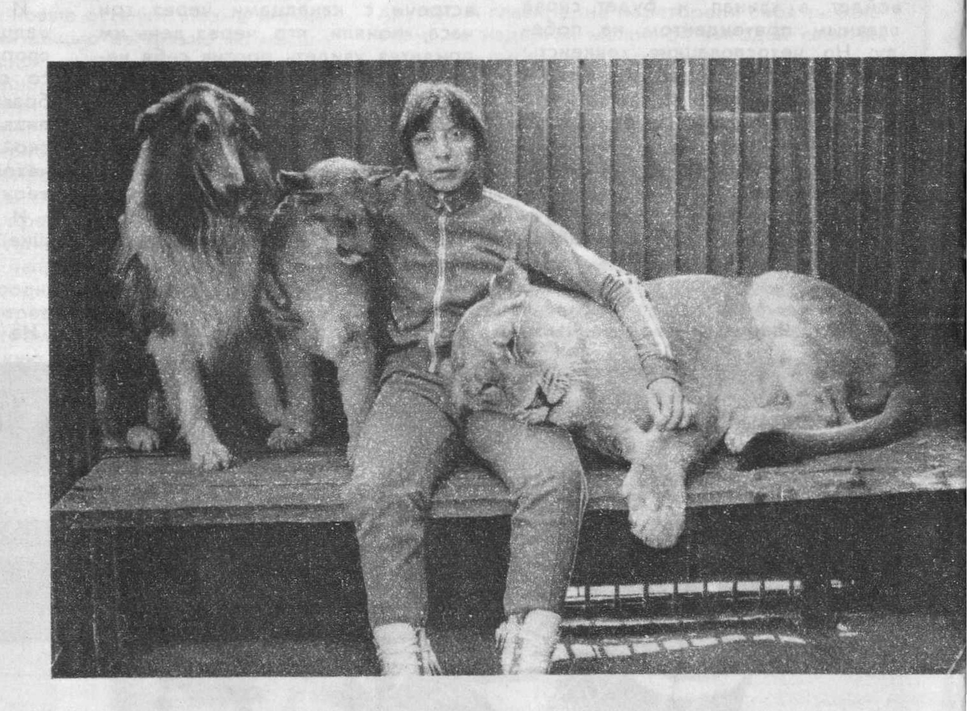
ЖАЛОБА

— Не понимаю, что это за работник такой! Часу не сидит на месте! То он в коридоре, то в курилке, то в буфете! Когда ни позвонишь по телефону — вечно его нет на месте! Вот я в окно вижу: опять он куда-то из учреждения ушел. Видите, идет по улице? Куда, спрашивается, в рабочее время? Ну что с ним будешь делать! А дашь выговор — разговоры пойдут, что начальник придирается к подчиненным, создает нервозную обстановку. Разве так можно работать? Да сам он еще полбеды, а ведь какой пример остальным! А ведь мне даже начальник главка говорил: отчего это ваших подчиненных никогда на месте нет? Я от стыда чуть сквозь землю не провалился. Нет, с такими работниками далеко не уедешь... Э... товарищ, я к вам обращаюсь... Куда же он? Товарищ... можно вас на минуточку? Я уже час здесь сижу, а никто не подходит! Так. Нам, пожалуйста, шашлыков, зелени. И побыстрей. Меня все-таки в конторе люди ждут. Так, принесли? Спасибо! Вы извините, я вас оставлю на минуточку. Надо позвонить на работу и сказать, что я на совещании в главке, а то у нас знаете какой народ! Как увидят, что меня нет, сразу по своим личным делам разбегутся!

ЦИРКОВАЯ ДЖУ

Георгий РОЗОВ, фото автора

Оля Голубенко влюбилась сразу после восьмого класса. Влюбилась в мальчика из особого мира. Сюда трудно проникнуть постороннему человеку. Недаром появилось на свет словечко «цирковые». И Оле сразу сказали, что «цирковые» женятся только на «цирковых». Мы можем порассуждать о том, хорошо это или плохо, вспомнить исключения из правила, но факт остается фактом: цирковые семьи, не сцементированные общей работой, непрочны. Таков опыт многих поколений. Назревала классическая трагедия влюбленных, разлучаемых обстоятельствами: Ромео и Джульетта по разные стороны циркового барьера. Но эта история мало похожа на классические сюжеты.

Оля сломала стереотип. Она решила стать «цирковой». К тому времени Оля окончила уже музыкальную школу. Если поступить в музыкальное училище, то можно работать потом в цирковом оркестре.

Учиться ей было нетрудно. Ольга задумала попутно освоить дрессировку. Через год окончила курсы служебного собаководства. Этого тоже показалось мало, решила стать наездницей. Можно только догадываться, чего ей стоили первые шаги в секции конкура. Пришлось и за лошадьми убирать, и чистить их, и падать с них тоже. Но Ольга упорно шла к заветной цели. Еще год — и она уже перворазрядница. В конкуре успех нечастый.

Прошли годы учебы в музыкальном училище. Дипломированная аккордеонистка пришла устраиваться на работу. Но вакансий в цирке не оказалось. Право, не знаю, что бы сделала шекспировская Джульетта, а наша кишиневская девчонка устроилась все же в цирке... контролером-билетером. Тогда-то судьба и подбросила ей счастливый случай: в местном цирке гастролировал Алексей Сергеевич Соколов с конной классической дрессурой. Ему срочно потребовалась ассистентка, и он нашел ее на ипподроме: тренеры порекомендовали Ольгу.

Два года рядом с настоящим дрессировщиком. Для кого-то — трудная, грязная работа, а для Ольги Голубенко — прекрасная школа!

Руфат АХМЕД-ЗАДЕ

ШЕСТЬ КОМНАТ

А для чего ж у нас стена?
Чтоб друг о друге знать!
Как мы вселились в новый дом,
С тех пор уже пять лет
С тобою вместе мы живем,
У нас секретов нет.
Я слышу голос твой, Бала,
А мой, наверно, ты.
Я знаю все твои дела,
Надежды и мечты.
Когда ты сядешь за рояль —
Гремит рояль у нас.
И брань звучит у нас твоя,
И смех в веселый час.
Когда проснется твой малыш —
И мы не спим с женой,
А ты, наверное, не спишь,
Как храп услышишь мой.
Ты в стенку гвоздь забил на днях —

С соседом близко мы живем,
Меж нами лишь стена,
Одна стена, и день за днем
Сближает нас она.
С ним на бульваре в поздний час
Я встретился вчера:
— Ты что ж, Мамед, не кажешь глаз?
Давно б зайти пора!
Хотя б разок узнать ты мог,
Здоров я или нет...
Но перебил мой монолог
С усмешкою сосед:
— Твоя печаль мне неясна,
Ее мне не понять.

Я на него, сосед,
С той стороны, что у меня,
Повесил свой портрет.
Секретов нам не утаить,
Налажен наш контакт:
Слились три комнаты мои
С тремя твоими — факт!
Коль о квартире о моей
Мне заведут вопрос,—
Отличная! Шесть комнат в ней! —
Отвечу я всерьез.

Перевел с азербайджанского
Юрий ФИДЛЕР.

...ЛЬЕТТА

Однажды ей приснилась афиша: «Хищные животные Ольги Голубенко!» Звучит? Не правда ли? Идея сначала казалась почти авантюристической. Где, к примеру, взять этих самых хищников? Они ведь не разгуливают по улицам, и в магазинах ими не торгуют. Даже в уссурийской тайге тигров нынче охраняют от охотников. Это общеизвестно. Но в зоопарках некоторые самки отказываются кормить детенышей. Ольга об этом знала.

Новая должность называлась непрестижно — уборщица отдела хищников кишиневского зоопарка. Зато очень скоро в квартире «Джульетты» резвились пумята, львица Зиги и кормилица этой компании — шотландская овчарка, которая почему-то откликается на мужскую кличку Лель. Когда котята подросли, их переселили в клетку. Занятия продолжались. Сотрудники зоопарка сначала посмеивались над «штучками» новенькой, но через некоторое время смешки прекратились, а Ольгу перевели на должность дрессировщицы. Еще два года ушли на обучение зверей трюкам.

Настал день, когда ее имя было внесено в списки создаваемого сейчас молдавского циркового коллектива. Директор зоопарка поначалу не хотел расставаться с Зиги и пумятами. Но его уговорили «цирковые». Ведь и Ольгу нужно понять: зверей выкормила, номер подготовила. Это же труд!

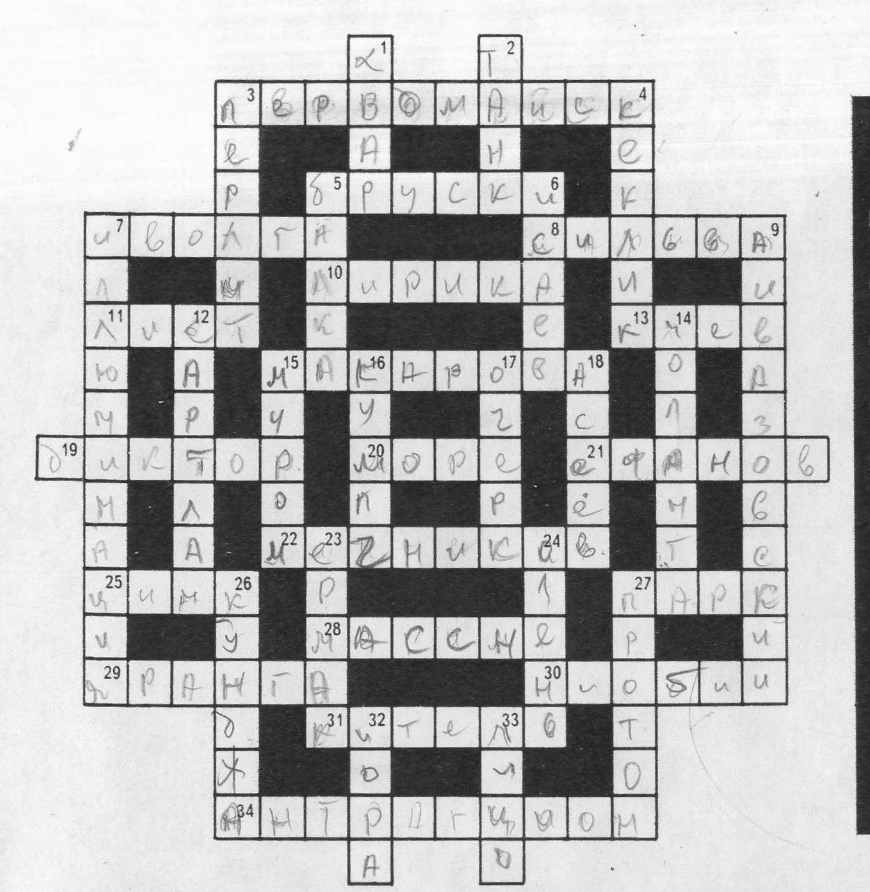
...Я вошел в клетку. Ольга сидела в обнимку с пумой и львицей. Лель примостилась рядышком, а вторая пума направилась прямо ко мне. Сначала она потерлась лбом о коленку, потом вспрыгнула на помост, к которому я прислонился, и принялась чесаться о мое плечо, громко мурлыча. Честно говоря, было немного страшновато, но хозяйка успокаивала меня:

— Вы не бойтесь... А на манеж нам через год, вероятно. Сейчас репетиционный период. За год надо изготовить реквизит, костюмы, поставить номер...

Во всем облике молодой дрессировщицы было спокойствие человека, который достиг наконец желанной цели.

...А «Ромео» тем временем окончил цирковое училище. Ходят слухи, что скоро свадьба.

КРОССВОРД

По горизонтали: 3. Город в Ворошиловградской области. 5. Роман Ф. И. Панферова. 7. Лесная певчая птица. 8. Оперетта И. Кальмана. 10. Род литературы. 11. Венгерский композитор, пианист, дирижер. 13. Стихотворение В. В. Маяковского. 15. Киноактриса, народная артистка СССР. 19. Работник телевидения или радио. 20. Обширное водное пространство. 21. Народный художник СССР. 22. Русский биолог и патолог, создатель научной школы. 25. Металл, химический элемент. 27. Большой сад с аллеями, цветниками. 28. Французский композитор. 29. Переносное жилище оленеводческих бригад. 30. Химический элемент, тугоплавкий металл. 31. Форменная куртка. 34. Устройство для развлечений.

По вертикали: 1. Один из югославских островов в Адриатическом море. 2. Боевая гусеничная машина. 3. Вулканическое стекло. 4. Каменная куропатка. 5. Конструктивный элемент, брус. 6. Поэт, лауреат Ленинской премии. 7. Декоративное освещение зданий, улиц. 9. Живописец-маринист. 12. Озеро в Новосибирской области. 14. Опера П. И. Чайковского. 15. Город во Владимирской области. 16. Ярко-красная хлопчатобумажная ткань. 17. Разновидность документального рассказа. 18. Автор поэмы «Буденный». 23. Ледокол, совершивший первое плавание в Арктику. 24. Животное с ветвистыми рогами. 26. Лососевая рыба. 27. Элементарная частица. 32. Река в Закавказье. 33. Грамматическая категория глагола.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 17

По горизонтали: 7. «Беднота». 8. Солнцев. 9. Вивианит. 11. Тромбон. 12. «Ленинцы». 13. Стяг. 15. Швея. 16. Терн. 17. Долуханова. 18. Шкот. 21. Пепе. 23. Сари. 24. Микенас. 26. Соколов. 27. Дегейтер. 28. Событие. 29. Оркестр.

По вертикали: 1. «Конармия». 2. Лингвист. 3. Тетерев. 4. Радин. 5. Эсхил. 6. Гельцер. 9. Волгоград. 10. Телевизор. 13. Скунс. 14. Гонки. 19. Криптон. 20. Твердыня. 21. Проспект. 22. Плоешти. 25. Селен. 26. Серов.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:
Московская школьница Катя Лычева.

Фото А. БОЧИНИНА

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:
Весеннее цветение.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Очерка, публицистики и информации — 250-56-88; Морали и права — 251-00-26; Международный (капиталистические страны) — 212-30-03; Международный (социалистические страны) — 212-22-90; Искусств — 250-46-98; Экономики быта — 250-38-17; Поэзии — 250-51-45; Прозы — 212-63-69; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-53; Науки — 212-21-68; Юмора и занимательной информации — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем и массовой работы — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 07.04.86. Подписано к печати 23.04.86. А 00670. Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 500 000 экз. Изд. № 848. Заказ № 2645.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

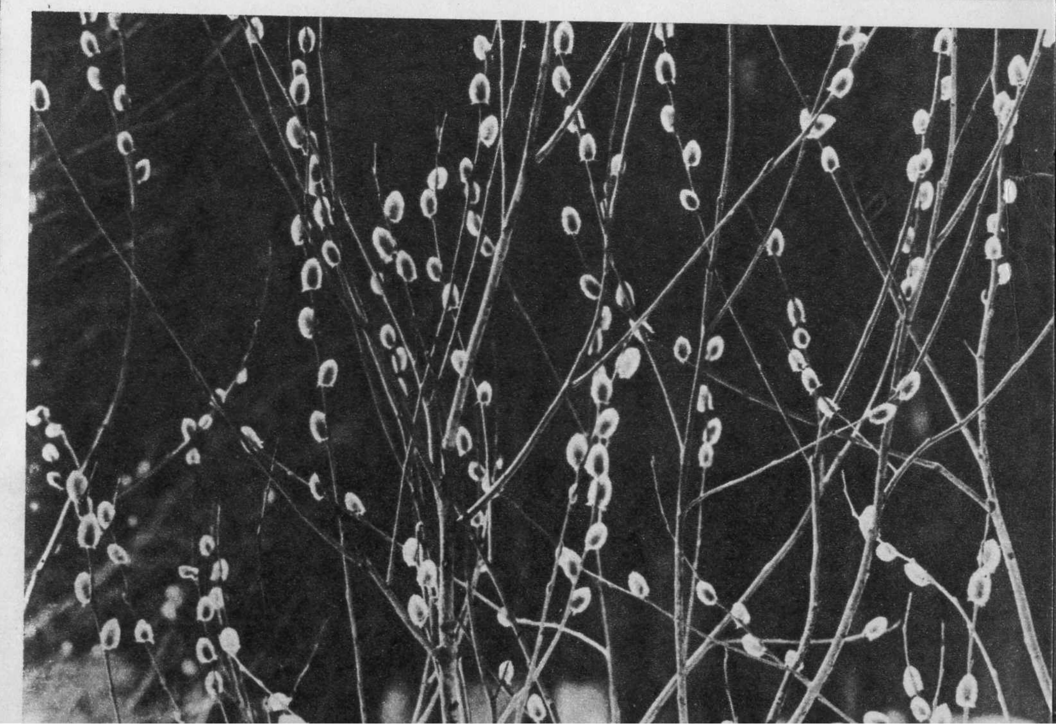
весна

идет...

Фото Михаила САВИНА

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663